

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 41

МАЙ 1937

№ 41

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

- Гайдар Бамат.* — Май 1918 — май 1937. *Азербейджанец.* — Национальная маска снята!
- З Авилшвили.* — Политические арабески. *П. Аргейд.* — С гор Ирана.
- Ф. Дарьял.* — Ложь и истина. *Обзор печати.*
- В. Оленин.* — Первое мая. *Хроника.*
- **.* — Проблема очага и семьи в СССР. *Библиография.*
- А. А. А.* — Из воспоминаний члена Азербейджанского парламента. *Ш. Беридзе.* — Шамиль в европейском представлении.
- Ген. Муса Паша Кундузов.* — Воспоминания.

25 мая 1937 г.

Еще один год отделяет нас МАЙ 1918 от майских дней 1918 г., когда, МАЙ 1937 в грозе войны и в бурях революции, возродилась государственная независимость народов Кавказа.

Пусть кратковременна была наша радость, пусть, волей исторических судеб и благодаря нашим собственным ошибкам, Кавказу было суждено опять очутиться в душевной русской тюрьме...

Ничто не остановит неотвратимого хода истории...

Нет в мире сил, которые могли бы убить душу наших народов, парализовать их неукротимую волю к независимости.

В новых потрясениях, которыми чреват мир и которых подъяремные народы СССР ждут и зовут со страстной верой в будущее и с жертвенной готовностью к борьбе, Кавказ неизбежно вновь обретет утраченную свободу...

Девятнадцатую годовщину декларации независимости наших республик мы встречаем

на прежнем посту знаменосцев национальной идеи.

Вместе со всем Кавказом, раздавленным железной пятой Москвы, но не побежденным, мы низко склоняемся перед священной памятью наших героев, павших на поле брани, расстрелянных в подвалах чека, замученных в ледяных тундрах Соловков и в безводных песках Туркесба в неравной борьбе за честь и свободу Отчизны.

От имени миллионов наших братьев, чьи сердца бьются в унисон с нашими сердцами, с кем за все эти долгие годы изгнания мы ни на одну минуту не порывали духовной связи, сегодня, с большей чем когда либо решимостью, мы заявляем, что борьба Кавказа против Москвы продолжается, что эта борьба не прекратится до тех пор, пока нога последнего русского оккупанта не покинет нашей территории, пока все народы Кавказа не сольются в дружную семью освобожденного от иностранного ига, независимого и единого кавказского государства...

Нет преграды, которая могла бы нас остановить, нет жертвы, которую мы не принесли бы ради торжества нашего правого дела.

*
**

Каждый прожитый год, каждый истекший месяц приближает нас к цели.

Политические сдвиги, которые совершились за последние три года и продолжают еще совершаться на наших глазах в Европе и на Дальнем Востоке не оставляют места для сомнений.

Гражданская война в Испании, созданная и питаемая Москвой, должна была, по замыслам Кремля, вызвать военные осложнения в Западной Европе.

Заветной мечтой было отвести занесенный

над СССР меч Немезиды и направить его на Францию, толкнув ее на войну с Германией.

Несмотря на горячую поддержку обоих социалистических Интернационалов и воинствующих пацифистов всех мастей и наций, план этот можно считать теперь окончательно провалившимся.

События показали, что, как бы ни было радикально правительство Леона Блюма в своей социальной политике, в вопросах международного порядка, где речь идет о жизни и смерти миллионов французов и о бытии Франции, как великого государства, есть черта, которую ни один французский социалист в правительстве, как бы ортодоксален ни был его марксизм, как бы интернационально ни было его мышление, переступить не смеет...

Статьи советской печати, посвященные двухлетней годовщине франко-советского пакта, в которых так причудливо сочетаются плаксивые ноты жестокой обиды и разочарования с жалкими потугами на новый шантаж — лучшее тому доказательство.

Жалобы и причитания Москвы не произвели эффекта. Литвинов уехал из Парижа с пустыми руками. Подписать дополнительную к франко-советскому пакту военную конвенцию Дельбос отказался...

К счастью Европы внешняя политика Франции все более и более связывается с политикой Англии. Можно смело утверждать, что ни в какую европейскую войну, в которой ей не был бы обеспечен союз Англии, Франция не вступит.

Что же касается Англии, то как бы ни относиться к этой великой державе, едва ли имеются основания заподозрить ее в готовности зажечь европейский пожар ради сохранения сталинской диктатуры в Москве...

Правда большая пресса демократических

стран продолжает еще по привычке жевать набившую всем оскомину жвачку «неделимости мира» и «коллективной безопасности».

Но после серии двухсторонних договоров, начиная с германо-польского соглашения и англо-германской морской конвенции и кончая сербо-болгарским и итало-югославским договорами, сами авторы этих мертвых формул едва ли сохранили в них еще хоть малейшую веру...

Эра попыток коллективного устройства Европы под эгидой Лиги Наций миновала, если не безвозвратно, то во всяком случае на много лет.

Этой системе, стремившейся зафиксировать навсегда чудовищное неравенство, создавшееся в мире после великой войны и торжества коммунизма в России, жизнь нанесла смертельные удары.

От нее фактически должны были отойти одна за другой даже некоторые великие державы, которые сами же ее создали. Характерна в этом отношении эволюция правящих кругов Англии.

Вопреки им же самим созданной «мистике Лиги Наций» довольно широких кругов английского общественного мнения, Лондонское правительство оказывается в невозможности дать международному жевевскому организму и связанным с ним планам европейской организации какую бы то ни было реальную поддержку империи.

Создалось положение, при котором для всех стало очевидным, что в случае необходимости и без всяких пактов и союзов Англия придет на помощь Бельгии, Голландии и Франции, что в этом случае Англия найдет неограниченную поддержку доминионов и океанских своих владений, ибо защищая эти страны, отделенные от соединенного коро-

левства лишь узкой водной полосой, Англия фактически будет защищать самое себя — т.-е. сердце Британской Империи.

Но нужно быть слепым, чтобы не видеть, что ни в какую комбинацию, которая не затрагивала бы непосредственных интересов Британских островов, которая, например, была бы связана с гарантией статусе кво в Австрии или Чехословакии, в Дунайском бассейне или в Восточной Европе, Лондонское правительство не пойдет.

Оно не может пойти на такие комбинации, если бы даже этого искренно желало, ибо нет сомнения, что подобная политика метрополии не была бы поддержана заморскими членами Британского Коммонвелта.

Подтверждение этой мысли можно найти в известии, которое только что принес телеграф о заседании имперской конференции, состоявшейся в Лондоне 24 мая. На этом заседании, как сообщает «Дейли Экспресс», внешняя политика метрополии, в частности политика ее в Лиге Наций, подверглась жестокой критике со стороны представителей доминионов. Премьеры доминионов были единодушны в признании необходимости коренной реформы Лиги Наций и настаивали на исключении статей Ковенанта, касающихся международных санкций...

Кроме того доминионы потребовали от метрополии возможно большей изоляции от континента и отказа от каких бы то ни было обязательств в отношении европейских государств, которые не вызывались бы исключительно потребностями собственной самообороны...

При такой ситуации в Англии и во Франции у Москвы остается очень мало шансов вызвать общеевропейский пожар или создать

мощную военную коалицию, которая пришла бы ей на помощь, когда настанет грозный час расплаты за чудовищные преступления, совершенные ею перед человечеством и перед поработенными народами СССР.

*
**

Нужно ли говорить на страницах этого журнала, не привыкшего носить маску, что все наши симпатии принадлежат великим и малым государствам, которые начертали на своем знамени борьбу с мировым злом коммунизма и с угнетающей нашу Родину сатанинской властью Москвы.

Но было бы грубой ошибкой делать из этого вывод, что мы целиком приемлем политическую идеологию государств, ведущих ныне открытую борьбу против Коминтерна и ее цитадели Москвы.

На стыке величайших культур Европы и Азии, на узком перешейке, связывающем два исторических континента, где смешались в одной дружеской семье народы разных рас, культур и исповеданий, мы не можем и не хотим утверждать примата какой бы то ни было одной расы, одной религии или одного языка... Наше государство мы хотим строить на объединяющем всех нас духе политического братства, в твердой вере, что не только нация создает государство, но и государство творит нацию, давая народу сознание своего нравственного единства и единую творческую волю.

Вместе с Муссолини мы думаем, что «нация — это прежде всего дух, а не только территория», но связанные тысячами нитей с родной землей, обильно орошенной жерт-

венной кровью наших предков, мы хотим черпать моральные наши ценности из многовекового опыта живших до нас поколений, создавших все чарующее своеобразие культуры, быта и традиций наших народов.

Как философские наши идеалы и политическую идеологию, так и самую структуру наших государственных учреждений мы хотим обосновать на твердой базе тысячелетней нашей истории, на чувстве культурной и расовой переплетенности народов традиционно, тысячелетиями живущих на кавказской территории.

Вот почему, как мы имели уже случай неоднократно писать на этих страницах, кавказскую конфедерацию мы мыслим не как механическое сложение географически, экономически и стратегически нераздельных частей единой территории, но как гармоническое слияние духовно родственных этнических групп, призванных на путях свободного выявления всех ресурсов их национального гения, дать в будущем более высокую и более прекрасную синтетическую культуру всего Кавказа.

Горячо сочувствуя тем, кто ищет новой социальной правды на путях национального возрождения и отказа от звериной классовой борьбы, мы с напряженным вниманием следим за всеми опытами политического и экономического творчества во всем мире.

Наша задача будет заключаться в том, чтобы позитивные результаты этих исканий связать с вековыми традициями наших народов и без ломки и насилия подчинить их высшим интересам объединенного Кавказа.

Гайдар Баммат.

Политические арабески

Легкость, с которой сложные политические вопросы разрешаются на бумаге, есть легкость лишь кажущаяся. Несомненно, самая прочная бумага оказывает меньше сопротивления перу, чем действительная жизнь — претензиям законодателя или устремлениям политика. Но написанному можно противиться (в условиях свободы печати), между тем как властно предписанному приходится подчиняться беспрекословно (в условиях деспотизма) или же сопротивляться пассивно, если не путем революционным.

Противиться написанному, т.-е. критиковать иные бумажные решения вопросов, скажем, в программах, тем легче, что нередко сами авторы или составители беззаботно начинают свои произведения содержанием, способным взрывать эти решения изнутри.

С какой легкостью, например, среди кавказской эмиграции, политической и бытовой, был воспринят большого значения лозунг *кавказского политического единства*, кавказской конфедерации. Дошло дело на этой почве до сочинение «пактов» от имени кавказских наций, пактов, вызвавших бурные возражения не по существу, а лишь по обстоятельствам их подписания. По существу же, напротив, «конфедерация» и сопровождающее ее стереотипное «разрешение спорных территориальных вопросов арбитражем» прочно вошли в политический словарь кавказских эмигрантских кругов, и этому следует радоваться.

Однако, такая приверженность идее конфедерации кое к чему и обязывает — хотя бы на словах, хотя бы на бумаге только. Обязывает, казалось бы, раз она провозглашает-

ся, прежде всего, к согласованности отдельных национальных программ с планом конфедеративного устройства Кавказа в будущем. Всегда ли налицо такая согласованность? Нисколько. Тому много примеров. Приведем один. Не так давно, пресимпатичная группа грузинских интегральных националистов¹⁾ (они же «фашисты», а, в последний момент, и монархисты-реставраторы), опубликовала программу, в которой много интересного и совершенно несвязанного с фашизмом или монархизмом. Здесь заявляется, между прочим: Грузия и Кавказ нераздельны (буквально: «одна цельность»). Тесный союз народов Кавказа неизбежен. (Второе из этих положений ослабляет первое. Самый тесный союз ведь не то же, что нераздельность. Но это так, мимоходом). Наряду с этим, по смыслу программы Грузия должна быть восстановлена в прежних своих исторических границах — примерно, времен царицы Тамары. Утраченные территории, ныне принадлежащие соседям, должны быть возвращены обратно, т.-е. надлежит этого добиваться и т. д.

При всей неопределенности и недоговоренности этих выражений, ясна их несогласованность с идеей нераздельности Кавказа и дружбы его народов. Но ясно и другое: не следует закрывать глаз на трудности вопросов, от которых многие готовы отмахнуться

1) В начале это была как бы ударная дружина грузинских патриотов под знаменем св. Георгия. «Интегральность» ее патриотизма не помешала дифференциации этой группы, распавшейся, как бы путем почкования, на дальнейшие группочки. Имеется в виду лишь одна из них.

простою ссылкой на «конфедерацию» и «обязательный арбитраж».

Как быть, однако, в тех случаях, когда отдельный «спорный» вопрос каждой стороне представляется бесспорным? Пресловутый Ахалкалакский уезд, часть Грузии, по поводу которого в «Кавказе» приводились огорченные, негодующие отзывы армянской эмигрантской печати, с точки зрения многих армян вовсе и не является спорною, а напротив, бесспорно армянскою территорией. Почему? Население там в большинстве армянское. Грузины же полагают, что земля это грузинская, что армян туда пустили сто с лишним лет тому назад, после того, как отсюда ушли, т.-е. вынуждены были уйти грузины-мусульмане; что еще в 1783 году Россия обязалась вернуть Грузии это владение, как и другие, если оно будет отвоевано от Турции (что и произошло в 1828 г). и т. д.

Нет надобности разбирать в подробности это разногласие. Оно не единственное между грузинами и армянами, и весьма сходная распри вызвала между ними в 1918 году ряд вооруженных столкновений из за южной части Борчалинского уезда. Эти столкновения принято даже называть армяно-грузинскою войною. История во всех отношениях плачевная, показавшая, однако, всю остроту национальных стремлений двух соседних народов. Как это ни странно, но в способности и готовности драться из за спорных территорий можно даже видеть некоторым образом доказательство зрелости дерущихся для отдельного государственного существования: смежные административные единицы не станут драться из за границ.

Еще печальнее воспоминания, и еще глубже разногласия, связанные со «спорными территориальными вопросами», разделяющими армян и азербейджанцев. Но здесь ярость

распри осложнялась связью ее с еще более лютою армяно-турецкою борьбою.

Все эти раздоры облегчили водворение советской власти к югу от Кавказского хребта; это всем памятно, также как и то, что занятием вновь русскими силами Северного Кавказа предreshалось, в данной обстановке, падение и независимых республик юга. Но и теперь, после такого урока, какая несогласованность в мыслях, и сколько недоразумений, хотя бы лишь чернильных.

**

В горестных размышлениях о причинах столь стремительного крушения независимых республик, образованных в 1918 году, кавказцы разных наименований пришли к тому, почти единогласному заключению, что участь их была бы иной, если бы они своевременно (т.-е. сначала же, ибо времени то у них вообще было мало) заключили между собою «тесный союз», и был бы один единый Кавказ вместо четырех его подразделений и т. д. — за что, надо это признать, особенно ратовали всегда деятели северо-кавказской республики. При этом, конечно, забывают, что внешняя политика Армении заключалась тогда в азартной ставке на окончательное расчленение Турции, и что в этих условиях не могло быть и речи о тесном союзе, например, Грузии, а тем более Азербейджана или Северного Кавказа с Арменией. С другой стороны революционная обстановка 1918-1920 г.г. объясняет (не оправдывая) одиночество, в котором оказались горцы Северного Кавказа в борьбе против злосчастных — не для них одних — военных предприятий Добровольческой армии.

Словом, общекавказской политики тогда не было, хотя отвлеченно необходимость ее при-

знавалась. Народы Кавказа были слишком поглощены довольно неожиданно взвалившейся на них задачей устройства своих республик и трудностями «независимого» существования под знаком революции и войны, даже войн. На согласованную кавказскую политику у них не хватило сил.

Однако, дело не в одних силах; да и настоящий размер их никогда не известен. Главное в том, что на Кавказе были отдельные, притом неодинаковые, национальные движения, имевшие корень и в исторических преданиях, и в самосознании, и в живых потребностях различных его народов. Российский государственный строй не мог дать этим стремлениям ни рамок, ни школы, ни способов к их согласованию. С крушением этого строя, стремления эти обнаружались не без стихийности, не без случайности внешних проявлений. Возникли правительства, парламенты, армии, финансы, границы; но все это слагалось кое как, с грехом пополам, часто наобум, и действительность иногда не соответствовала громким названиям. Со всеми этими неизбежными недочетами кавказские республики оказались все же явлением жизненным; с существованием их пришлось считаться и большевикам, т.е. именно с существованием отдельных национальных республик, а не с Кавказом, как политическим единством — его и не было, потому что кавказские республики так и не успели развернуться общим кавказским фронтом. Но идея единого Кавказа произрастала, можно сказать, из могилы его независимых республик и из сложного опыта жизни его народов — дореволюционной, затем, независимой и, наконец, подвластной советам.

В умах кавказской политической эмиграции идея эта, как уже отмечено выше, успела пустить прочный корень. Но самая ее до-

ступность и кажущаяся простота не должна нас обманывать. Нет ничего труднее «простых» решений. «Единство», вообще, не так легко дается там, где очень велики различия. Не удастся оно и борется с великими трудностями даже там, где речь идет о спайке воедино близко родственных между собою народов или даже частей одного народа различно направленных (Чехословакия! Югославия!). Что же сказать о Балканах, о Балтике? Особых государственных «единств» там не наблюдается. Вопрос о независимости балтийских республик разрешился, впрочем, положительно и без обращения к такому средству, как государственное их объединение. Кавказским же республикам не удалось отстоять своей независимости. Что им весьма повредила разобщенность — политическая, военная, хозяйственная — в этом, повторяем, едва ли кто сомневается. Однако, вывод, сделанный пребывающими вне Кавказа политическими деятелями бывших независимых республик из прошлого опыта, заключался, повидному, все же не в отказе от государственной независимости отдельных республик (в пользу единого Кавказа), на чем продолжали настаивать горцы, — но в желании упрочить в будущем существование каждой из этих республик, а именно, усилить их сопротивляемость внешней опасности и поставить их вообще в лучшие условия — посредством объединения в одно (федеративное) целое, по мнению одних, в прочный союз независимых равноправных государств, по мнению других.

Таким образом, «Кавказ» является производным, дополнительным, вспомогательным построением; коренным же, основным и главным делом является утверждение национальных государств на принадлежащих им территориях — Азербейджана, Армении,

Горского Союза и Грузии. В какой бы форме не мыслилось их объединение, назначение его в том, чтобы лучше охранить каждую из кавказских наций в отдельности, а вместе с тем и оградить их от взаимных столкновений и междоусобиц. С этой целью народы Кавказа не останутся, быть может, и перед тем, чтобы подчиниться, в определенных рамках, дисциплине общекавказской государственности.

Вопросы этого порядка не допускают, конечно, в данный момент определенного решения, хотя бы потому, что пока нечего и лекому решать.

В более скромной, доступной нам области высказывания предположений, оценок прошлого и вывода из него некоторых заключений, допустима, однако, и даже обязательна для всех, кто этих щекотливых вопросов здесь в Европе касается, забота о том, чтобы была согласованность между разными положениями отдельных выдвигаемых программ; чтобы не вносились в умы смута разговорами, хотя бы по существу и невинными, о необходимости восстановить границы такой то давнейшей эпохи, или о вечных обидах причиняемых будто бы ненасытными и бесжалостными соседями — причем не указывается в точности, каковы эти границы или в чем заключаются эти обиды (не забудем, что по основным вопросам между спорящими, большей частью, нет разногласий). С другой стороны, не слишком ли часто упоминается о «братских народах», иногда основательно разделенных и историей, и пространством?

Конечно, в некоторых частях кавказской эмигрантской среды полезно поддерживать, подогревать или даже насаждать национальные чувства или настроения. И так как на-

ций несколько, делается это по различному. Получается некоторая разногласица, чтобы не сказать какофония. В ней не было бы большой беды, если бы она не сказывалась и на тех верхах, мнящих себя руководящими, которым бываю порою доступны задворки международной дипломатии. Не забудем, что от «задворков» всего иногда один шаг до «приемной»; а там не так далеко и до «кабинетов». Гримировка на «общекавказский» лад ныне признается обязательной и в работе на «задворках», не говоря уж о более ответственных выступлениях в будущем, когда без этого грима и сунуться будет некуда. Так, по крайней мере, утверждают знающие люди из своих и опытные доброжелатели из «посторонних». (Здесь мы в области чайний и спасительной веры). Но грим обязывает к знанию роли. Не суфлеру же играть если дело дойдет до игры?

Кавказские деятели, подвизающиеся в Европе в надежде, что их услуги могут еще понадобиться их народам, поступят хорошо, если приведут в порядок общекавказскую часть своих программ, и устранят из них слишком кричащие разноречия или противоречия. Ни малейших оснований не имеется к тому, чтоб им заняться теперь выработкой каких либо проектов общекавказского государственного устройства. Но почему бы, например, не потрудиться над составлением списка хотя бы спорных территориальных вопросов, о чем столько разговоров, и углублением темы о способах к их разрешению? «Территориальный» предрассудок прочно сидит в умах людей. Вопросу этому обыкновенно придается большое политическое значение. Разрешение его или даже простое освещение носило бы, правда, в данном случае, характер чи-

сто бумажный и академический. Но раз говорить об этих вещах, почему бы не договориться до какихнибудь заключений или выводов? Они во всяком случае не были бы

лишены поучительности, а может быть, оказались бы даже и полезными... хотя бы для потомства.

З. Авалишвили.

Ложь и истина

Меньшевицкий орган «Брдэолис Хма» и солидарный с ним «Куртулуш», раздражены предыдущим выпуском «Кавказ Альманаги». Оба, уклоняясь в своих писаниях от истины и обходя полным молчанием ряд вопросов, непосредственно их касающихся, с ловкостью любителей ловить рыбу в мутной воде, замутили, перетасовали факты и перешли от защиты в наступление, засыпав «Кавказ Альманаги» многочисленными и противоречивыми обвинениями.

Суть этих обвинений в общем сводится к трем основным положениям: пробольшевизм и панисламизм альманаха и его оппозиция кавказской конфедерации.

Ответить на этот вздор не трудно, и прежде надо начать с того, что идею кавказской конфедерации до недавнего времени ни грузинские меньшевики, ни бывший туракист и иранист Расул-Заде не хотели знать и слушать.

Если бы в свое время они пожелали реализовать идею конфедерации, столь печальная участь не постигла бы Кавказ, а Мамед Эмин Расул-Заде и его друзья меньшевики не оказались бы на чужбине, полной горечи и страданий.

Общезвестно, что первая инициатива и призыв к конфедеративному объединению

Кавказа принадлежит северо-кавказцам, поставившим в порядок дня этот вопрос на конференциях в Трапезунде (1918), в Тифлисе (1920), на конференции кавказских республик и, наконец, во время грузино-советской войны он ставился Г. Бамматом от имени Азербейджано Северо Кавказского Комитета.

К сожалению, эти редкие в истории случаи были упущены по вине грузинских меньшевиков, одержимых марксистским сектанством и М. Эмина, тоже страдавшего иного рода недугом. После всего этого нас удивляет метаморфоза, происшедшая с этими людьми на чужбине, когда они, противники конфедерации на родине, вдруг и повидимому и не без влияния каких то корыстных побуждений, заключили между собой «пакт кавказской конфедерации» в Брюсселе. Почему в свое время не в Тифлисе? Это их секрет. При чем, к подписанию этого пакта, со стороны Северо Кавказской республики привлекли людей, верой и правдой прослуживших в рядах денкинской армии и бежавших за границу под флагом Врангеля. Наряду с этим творцы пакта не погнушались в продолжении долгого времени сотрудничать с известным царским генералом Бичераховым, тем самым, кто поднял оружие против Азербей-

джанской и в особенности Северо-Кавказской республик.

Для нас так и осталось не разгаданной тайна, приведшая грузинских меньшевиков и Расул-Заде к идейному альянсу вокруг проблемы кавказской независимости с ген. Бичераховым.

Этот вопрос, всегда интересующий нас, хотя и был затронут в предыдущем выпуске «Кавказ Альманаха», отмечен в сторону Мемед Эмином, нашедшим «позлившим отвечать на некоторые мелочи, касающиеся «Куртулуша».

Таким образом, с привычной ловкостью и проворством они приписывают себе не существующие заслуги в деле конфедеративного объединения Кавказа, стремясь одновременно очернить тех, кто действительно служил этой святой идее и призывал к ее осуществлению еще на родине.

Азербейджанцы, грузины и северо-кавказцы, — националисты, объединившиеся вокруг журнала «Кавказ», воодушевленные общими идеями и настроениями, продолжают служить со всей энергией идее освобождения родины и осуществления в ней конфедерации.

Что касается Азербейджано — Северо-Кавказского Обединения, то в этой идее нет ничего, что могло бы раздражать действительного кавказского патриота. Некоторые азербейджанские и северо-кавказские беженцы — националисты, очутившиеся в эмиграции в одном районе, руководимые соображениями оказания наибольшей пользы общему делу, выдвинули и обсуждают практическую идею, которая по существу не нова. И даже, если имело бы место такое объединение, то его практическое значение было бы просто продолжением в административном смысле того азербейджано-горского единения,

которое было, как упомянуто выше, в Тифлисе. Такого рода объединение несравнимо и неравнозначуще с «Армяно-Грузинским Унионом», которому понадобились исторические справки, религиозные подпорки и официальные декларации, сопровождаемые церковными молебствиями, и имеющие целью сепаратную политику, кстати сказать, уже до некоторой степени деуалированную.

Если бы не политика, то зачем, иначе, понадобилось бы грузинским меньшевикам, отрицающим религию, участвовать на церковном служении в армянской церкви, как о том мы узнаем из бюллетеней «Униона».

Теперь, когда подул иной ветер, обнажающий бесполезность сепаратной армяно-грузинской затеи, та же меньшевицкая пресса забила отбой к отступлению от «Униона», оставив армянских дашнаков с парой грузин.

Надо надеяться, что дашнаки сделают надлежащий вывод из этого маневра своих единовольцев-меньшевиков. Расул-Заде тоже, хотя и не был в церкви «Армяно-Грузинского Униона», тем не менее, присоединил свой голос к хору, осуждающему азербейджано-горское единение, при чем, сравнивая последнее с «Унионом», и выходя в своих рассуждениях за пределы Кавказа, он проводит знак равенства между севером и югом, якобы одинаково одинаковыми и опасными для кавказской независимости. В гиперболическом сравнении под конец он заявляет, что как «Армяно-Грузинский Унион» способствовал бы укреплению России на Кавказе, точно также «Азербейджано-Горское Единение» в конце концов, *volens volens*, повлекло бы во вмешательству мусульманских государств в кавказские дела — разумеется в ущерб кавказской независимости.

Не трудно догадаться, что здесь речь идет о мусульманской Турции. Между тем обще-

известно, что новая Турция, избравшая республиканский режим и формы современного светского государства, устами своих ответственных деятелей неоднократно заявляла о неимении каких бы то ни было территориальных претензий к своим соседям и о своем полном уважении и сочувствии к стремлениям народов, добывающихся политической самостоятельности. Следовательно, разговоры о турецких агрессивных стремлениях под покровом обветшавших религиозных одеяний, сданных в музей, совершенно неуместны и несравнимы с поползновениями империалистической России, с которой воевали за независимость в течении целого века, и под игом которой стонет и по сей день Кавказ. Об этих элементарных вещах следовало бы знать М. Э. Расул-Заде, родившемуся на Кавказе, и евшему, к тому же, в течении некоторого времени хлеб-соль в новой Турции.

Пытались обвинить «Кавказ Альманаги» еще и в пробольшевицких симпатиях.

Несколько слов и об этом.

Быть одновременно панисламистом и большевиком невозможно и также нелогично, как утверждение соединимости положительного с отрицательным. Надо признать, что в жизни политика без логики — то же, что корабль без компаса на море. К сожалению, эта азбучная истина, очевидно, не существует для грузинских меньшевиков и их адвоката М. Э. Расул-Заде, из действий коих, вообще, видно, что они давно блуждают не только без компаса, но, что называется, без руля и без ветрил. Если бы это не было так, то в настоящее время, когда в мировой политической идеологии обозначилось резкое деление на два фронта, они могли бы точно показать свою политическую линию и стремления.

Увы, избегая этой лености, они путаются

в противоречиях, порою огорчающих их самих.

Меньшевицкий орган «Брдзолис Хма» в № 59 поместил статью, содержащую ряд необоснованных нападок на правящий режим в сегодняшней Германии. Эта «пеосмотрительность» меньшевицкой газеты сильно огорчила М. Э. Расул-Заде, разразившегося в своем «Куртулуше» длинной репликой по адресу друзей, в которой, между прочим, находим следующий абзац:

«Скептические утверждения этих строк решительно опровергнуты ходом исторических событий, приведших оппозиционный в 1932 году национал-социализм на вершину невиданной в истории власти, поддержанной без исключения всеми слоями германского народа», и отсюда вывод: «Брдзолис Хма» повредил реальным интересам грузинского национально-освободительного движения, а потому и делу всего Кавказа»...

Иначе говоря: где правая, где левая сторона... Наряду с этим, та же меньшевицкая газета в отношении «Френте Пошолере» и испанских событий употребляет совершенно иной язык, способный вывести из равновесия всякого националиста.

На первый взгляд как будто представляется трудным определение принадлежности этих людей к тому или иному лагерю борющихся в международном масштабе сил, но стоит поближе присмотреться к их прессе, чтобы убедиться в том, что они плывут в волнах интернационалов. В таком случае, к чему щеголять в кавказской национальной одежде?

Впрочем, уклон меньшевиков в сторону большевиков вещь вполне понятная, ибо оба эти течения произрастают из одного и того же корня марксизма.

Да и М. Э. Расул-Заде по своему политическому прошлому не такой уж чужой человек в семье Карла Маркса. В издаваемой в Тифлисе газете «Заря Востока», от 1927 г., № 1581, находим следующую юбилейную статью о большевизме на Кавказе, подтверждающую эту мысль: «По настоянию тов. Алеша (Джапаридзе) была образована тюркская группа «Гуммет», куда вошли: Азизбеков (студент), Ахундов (реалист), Гаджи Касумов Мусса, Эфендиев Меджид и Расул-Заде (лидер мусаватской партии теперь). Это в 1905 году в Баку»...

В связи с этими перевоплощениями меньшевиков и М. Э. Расул-Заде нам остается только вспомнить арабскую пословицу, говорящую: «все возвращается к началу, откуда оно вышло». В таком случае, зачем эти господа возьмется с кавказским национализмом?

Альманаху сделан еще один упрек в связи с одной фразой, сказанной в передовице относительно параграфа 17-го советской конституции. Всякий человек, немного знающий турецкий язык, прекрасно может понять ироническую форму и причины, в силу которых упоминают этот фиктивный пункт советской конституции, лишенный какого бы то ни было смысла для угнетенных народов.

В нашей национальной борьбе мы не считываем ни на параграфы советской конституции, ни даже на защиту Лиги Наций. Зато сваливающие вину с большой головы на здоровую делают ссылки без шуток на параграфы советской конституции.

Пред нами меморандум, подписанный грузинскими меньшевиками и Расул-Заде, представленный в сентябре прошлого года председателю 17-ой сессии Лиги Наций, в котором авторы, жалуясь на советскую действительность, между прочим, пишут:

«Единственным выходом из этого плачев-

ного положения могло бы быть применение параграфа 4-го настоящей конституции, или параграфа 17-го новой конституции; эти параграфы дают советским республикам свободу покинуть союз по собственному желанию», и дальше добавляют, «необходимо установить условия, при которых эти параграфы могут быть применимы, и народы Кавказа, Туркестана и Украины имели бы таким образом возможность свободно выразить свое желание насчет своей национальной судьбы»...

Блажен, кто верует!

Мы спрашиваем: приличествует ли действительному революционеру и патриоту обращаться с подобными заявлениями, заранее обреченными на неудачу, в Лигу Наций. Да еще в момент, когда в этом учреждении в качестве всесильного члена размахивает дрижерской палочкой тов. Литвинов. Нужно ли говорить о том, что такие жалкие колени-преклоненные позы с протянутой рукой перед собранием, где сидит Литвинов, способны лишь вводить в заблуждение народ, притупляя его волю и энергию в борьбе за независимость.

В таком случае, что это — отсутствие логики или измена?..

Впрочем, мы были бы очень удивлены, если меморандум принадлежал перу действительных националистов. Но коль скоро он вышел из под меньшевицкого пера, строчащего сочувственные статьи в пользу испанского Ленина Ларго Кабаллеро и мадридского правительства, все понятно и неудивительно. В частности М. Э. Расул Заде вместо того, чтобы искать в «Альманахе» календарные сведения вроде диаграмм и статистических цифр, можно было бы рекомендовать более полезное времяпрепровождение, — оглянуться вокруг и избрать путь, полезный

интересам его народа, если он, действительно, хочет ему служить.

Что касается цифр, их можно найти в книге Ш. Рустамбеяли — пусть адресуются туда.

В заключение считаем необходимым отметить, что в момент обострения идеологической борьбы в мировом масштабе азербайджанские, грузинские и северо-кавказские

националисты твердо и непоколебимо дают свои симпатии той группировке международных сил, которая противостоит коммунизму.

Надеясь, что в этом направлении и армяне рано или поздно будут с нами, мы будем продолжать нашу борьбу за родину и ее воссоздание на основах конфедерации.

Ф. Дарьял.

Первое мая

«Все движется, все течет», — говорил еще Гераклит, один из самых замечательных мудрецов древней Греции. Но темп движения, конечно, различный.

В области человеческих взаимоотношений и социального развития, в ходе исторического прогресса бывали эпохи медленные, как, например, так называемое «средневековье», и наоборот — сейчас мы переживаем эпоху, когда не только события бегут с головокружительной быстротой, но в такт движению аэропланов и радиопередачам сменяются самые понятия, самые оценки происходящего. Вчерашний день уже кажется каким то вышедшим из моды, ветхозаветным.

Что ни тронешь, где ни возьмешь — перемена разительна.

Что такое, например, было еще так недавно, еще три-четыре года назад — первое мая?

Праздник трудящихся, провозглашенный социализмом, как эмблема международного объединения труда. В противовес церковным праздникам отдельных религий, династиче-

ским или иным государственным праздникам, отмечающим историческую дату, чтимую данным народом, устанавливалось нечто совсем другое — единение всех трудящихся вне этих якобы условных границ.

Но так как в человеческих делах все более или менее условно, то тут условность была другая. Праздновали лишь те, кто имел право на звание трудящегося согласно своеобразной социалистической терминологии. Поэтому монарх, хотя бы и самый деятельный, перегруженный работой, или служитель культа, самоотверженно отдающий себя целиком интересам верующих, или предприниматель, работающий пятнадцать часов в сутки, хотя бы даже знаменитый врач, но «капиталист» — хозяин большой собственной лечебницы — все эти люди не могли быть участниками праздника труда, а наоборот — были теми общественными паразитами, против которых как раз и направлялось острое международной праздничной демонстрации.

Такое понимание первомайских торжеств

и выступлений было, можно сказать, еще вчерашним.

И что же случилось теперь, сегодня?

Всюду и везде, где только соблюдается и празднуется первое мая, — это число объявлено праздником национальным. Ведь подумайте только, взгляните в это абсурдное сочетание слов, — да первое мая как раз и возникло, так сказать, «в пику» всем национальным праздникам — рождениям королей и годовщинам побед, — оно им противопоставило идеалы интернационала.

В странах враждебной марксисту диктатуре дело, конечно, ясно. Первое мая — это по-прежнему праздник труда, но на совершенно иных и новых началах корпоративно-государственного объединения. Это такой же общенародный праздник, как и всякий другой, которому придава равная торжественность. Глава фирмы может смело выступать в первом ряду своих служащих, уместен тут и военный парад с генералами на конях, и патриотические речи, и национальные знамена, и прославления вождей. «На славу нам, на страх врагам!». Ни о каком интернационале, ни о каком социализме здесь, конечно, не может быть и речи.

Но даже и в тех странах, которые условно именуется демократическими, и где социализм имеет свое определенное место, иногда даже высокое, произошла на наших глазах в последнее время очень значительная перемена. Энтузиазм борьбы интернациональной несомненно выдохся, интерес сосредоточен всюду лишь на своих национальных проблемах, хотя бы и социального характера, — правительство «народного фронта» во Франции (а фронт этот включает и коммунистов) объявило первое мая праздником национальным, — трехцветные флаги никем в своих правах не оспаривались, и т.г. Кашен, Торрез и друг.

«крайние», хоть и не очень ретиво, но все же открывали рот при пении национального гимна — Марсельезы. Еще в прошлом году в мае это было бы невозможно.

Но самое интересное, разумеется, происходит в России, — оно интересно не только для нас, что понятно само собой, но и с точки зрения социально-исторической, характерно отмечая, с какой быстротой, этап за этапом, завершается там путь от бывшего коммунизма с его интернациональными задачами к своеобразно национальной государственности великодержавного российского образца.

Празднование первого мая, этого юбилейного дня всех мирно трудящихся, выражается, как известно, в Советском Союзе импозантным военным парадом на московской Красной площади, дефилированием лучших частей красной армии всех видов оружия. Во имя задач международного пацифизма выступают стальные танки, артиллерийские орудия, пулеметы, — бороздят небо эскадрильи военных самолетов, шагает пехота, движется кавалерия, гарцуют казаки, а сам военный министр выезжает на белой лошади. Это там, в гнилых демократиях министры носят котелки и цилиндры — эти вышедшие из моды головные уборы мирного обихода, — у нас министр, да еще военный, должен быть и одет по военному, должен быть, конечно, приличным наездником, — иначе какой же он к чорту руководитель армии?

Но дело не только в военном ведомстве. Сам признанный глава советского государства, этого единственного в мире воплощения социалистических идеалов, разве он похож на мирного гражданина, как похожи, например, своим корректным обликом президенты Лейбрен или Рузвельт? Совершенно наоборот. Подобно фашистским диктаторам, этим «беспокойным врагам социального прогресса чело-

вечества», он облечен в какую то своеобразную военную форму, — он в военной фуражке, в куртке и в ботфортах, он всем своим видом олицетворяет военную структуру и военные задачи руководимой им государственно-сти.

Еще в прошлом году Сталина не называли вождем, по крайней мере официально. Он еще посыл общепролетарский титул товарища, еще соблюдалась на словах какая то стыдливая традиция. Но нынешнее первое мая отмечено очень характерным новшеством: на военных парадах по всем большим городам Советской Империи военнначальники приводили свои войска к присяге на верность Вождю. Все города были украшены гигантскими портретами Сталина. Над Москвой специальными аэростатами был поднят портрет, видимый из всех пунктов города: высота изображения 65 метров, — и две ночи его освещали прожекторами.

С нынешнего года Сталин, как в свое время сообщали газеты, стал «шефом» казачьего корпуса. Правда, слово «шеф» еще не называлось, — это мопархи, великие князья и герцоги бывали шефами полков, — теперь в современной России номенклатуру на первых порах взяли другую. ЦИК постановил: шестой кавалерийский корпус, составленный из ново-образованных казачьих дивизий, наименовать кавалерийским корпусом имени тов. Сталина. В корпус входят: донская казачья дивизия имени Ворошилова и кубанско-терская казачья дивизия имени Буденного. Как видите, сущность дела от этого не меняется, и самое обыкновенное, как бывало и прежде, до революции, военное «шефство» советских сановников несомненно.

Еще одна интересная подробность. Во время московских первомайских парадов на Красной площади пехота выступает не «ружья

на плечо», как везде, а держа их на перевес, «в штыхы». На это обратили внимание даже некоторые европейские газеты. Военственный азарт и грозную настороженность, можно сказать arrogance красной армии — хотели особенно подчеркнуть. Вот вам и официальное празднование пролетарскими российскими властями весеннего праздника трудящихся. Разве все это не из той же серии «великого обмана?».

Но перейдем теперь к народным, к обывательским развлечениям, приуроченным к этому дню. Не сказало ли хоть здесь влияние социализма, его психологии равенства и товарищества?

Разумеется, в разных местах пролетарской столицы были устроены танцевальные площадки. Ведь это, как известно, любимое развлечение пробудившихся к жизни сознательных граждан. Войска маршируют, граждане пляшут — все обстоит благополучно в счастлившей из земных стран.

Центром увеселений была московская малая площадь. Посреди нее соорудили «карусель изобилия», которую так соблазнительно описывает «Вечерняя Москва». Карусель состояла из витрин, уставленных напитками и закусками, причем каждый мог их выбирать по своему вкусу. Это, конечно, было бы очень приятно, но, к сожалению, выбор определялся не только вкусовыми требованиями, но и возможностями кармана. Тут и шампанское, и ликеры, и лимонад для малолетних, балыки и крабы, конфеты и куличи, но также вареная колбаса и даже просто ломти черного хлеба. Карусель медленно крутится, так что каждый может взять, что ему надо, но увы — руководствуясь ценами. Право, не стоило так много говорить об этой волшебной карусели, если де-

ло сводится к тому, что можно купить, когда это тебе по средствам.

Но, повидимому, в стране великих достижений пролетариата уже самый случай такой возможности представляется неким волшебством и так сказать совершенством организации и предусмотрительности. Это настолько поражает воображение, что тот, кто беднее, будет охотно жевать свой черный хлеб, глядя на соседа, кусающего кулич и даже краба. Бедные советские обыватели — они еще не догадались, что в каждом европейском городе такие «карусели изобилия» имеются круглый год в любом автоматическом баре.

Но для того, чтобы придти к этой психологии покорного питания черным хлебом рядом с богатым и прихотливым соседом, да еще умиляться этому зрелищу, как московская газета, стоило ли испровергать все бывшие устои, а главное призывать и дальше к испровержению установившегося в мире неравенства? Тем более, что в культурных странах внесены в это положение уже многие существенные коррективы, и ломти хлеба, которыми питается пролетариат, вовсе уж не так черны и в достаточной мере приправлены и колбасой, и маслом, и даже аперитивами.

Во всяком случае, чтобы там ни было, чрезвычайно показательна эта чисто-обывательская обстановка московского празднования. Есть еще объявления в газетах, рекламирующие подарки, которыми можно приветствовать друг друга в этот майский праздничный день. Такое, например, рекламное сообщение: «Вы можете послать любимой женщине изящную корзину с прекрасным русским шампанским, фруктами и сладостями». Вот к каким настроениям сводится сейчас в советской России первомайский энту-

зиазм пробудившегося гражданина, руководимого коммунистической властью. Каким бледным кажется по сравнению с этой корзиной фруктов и вина скромный буржуазный ладан европейского обывателя!

Впрочем, кусок колбасы, по возможности большой и жирный, это сейчас единственный двигательный стимул всех вообще революционных соблазнов в обоих полушариях и под всеми широтами. Никакими другими идеалами теперь людей в свой приход г.г. социалисты не заманят. Сами они постарались привить своим массам тот иссушающий душу материализм, который все свел к этому куску колбасы.

Жертвенность сейчас в этой среде сдала заметно, и революционные движения проявляются лишь там, где правительства уступают, где выгодно протестовать, требовать и быть на линии революционера. Вот почему единый мировой социализм, социализм интернационалов, беспилен даже организовать общий для всех пролетарский праздник. В каждой стране — свое.

А Москва, которая до сих пор еще по недавней традиции сохраняет репутацию оплота мирового пролетариата и очага мировой революции, демонстрирует первого мая самое безысходное мещанство своей бытовой обстановки, защищенное парадами и грозными эволюциями всех родов современного боевого оружия. Не серп и молот должны быть эмблемами этого государства, а обглоданная кость и штык. Таково созданное и двинутое великим Лениным государственное воплощение коммунистических идеалов.

Но обман становится, конечно, все более и более явным, и полный развал мирового коммунизма уже близок.

Об этом речь впереди.

В. Оленин.

Проблема очага и семьи в СССР.

V

(Окончание)¹⁾

РЕАКЦИЯ И ПАЛЛИАТИВЫ

Таким образом, после 18-летнего опыта, большевицкие концепции о семейном очаге и воспитании детей потерпели скандальный крах. Большевицкие главы, инициаторы стольких «реформ-демонстраций», начинают отдавать себе отчет о положении и даже сознавать косвенно свои ошибки. Алармистские крики, испускаемые советской прессой, показывают ясно, что общественное мнение в СССР — которое выражает в этой стране такое лишь официальных кругов — не скрывает всей опасности, какую представляет для будущности этот общественный маразм, который явился следствием семейной политики, проводимой до сегодняшнего дня.

Теперь, коммунистические главы перелистывают лихорадочно марксо-ленинские евангелия, дабы найти там кое-что, могущее оправдать их более или менее «почетное» отступление. Но, потому ли, что марксистские евангелия не содержат ничего такого, или потому ли, что вопросы «большевицкого самолюбия» и «престижа режима» превалируют над всеми другими соображениями, некоторые начинания, предпринятые советским правительством для устранения зла, далеки еще от того, чтобы носить радикальный характер или же признаки «эволюции». Во всей объективности, мы при-

ведем здесь недавние реформы, касающиеся проблемы очага и юношества.

Семейный статут. — До сего времени, с точки зрения юридической, никакого изменения в положении. Но правительство готовит законопроект²⁾, по которому процедура брака остается та же; однако, дабы уменьшить несколько — о! слегка! — легкость и частоту разводов, введут следующее правило: оставляя за обоими брачующимися право *одностороннего* развода, обусловят этот последний процедурой предварительного *уведомления* (а не согласия) заинтересованной стороны. Проект, в том виде, как он изложен в советской прессе, не отличается точностью, но все заставляет думать, что впредь, когда муж или жена явятся перед Загсом для зарегистрирования развода, Загс прежде чем совершить формальности, должен уведомить об этом заинтересованную сторону (до сих пор, уведомление это делалось *постфактум*). По замыслу законодателя, эта легкая «реформа» должна привести агрессивного мужа или жену к более миролюбивым настроениям, которые могли бы создать известную атмосферу для раздумывания или отсрочки или же необходимой реакции противной стороны.

Пока что, советская пресса, пером того или другого искусного фельетониста, хроникера и карикатуриста нападает на любите-

1) См. «Кавказ», № 3/39.

2) С тех пор проект этот прошел как закон. **Примечание редакции.**

лей разводов. «Правда» доходит даже до того, что предлагает бойкотировать «непостоянных мужей, кои меняют жен каждый год»³⁾. «Они должны знать, говорит орган большевистской партии, что это не пройдет им безнаказанно, что друзья отвернутся от них и что товарищи откажутся дать им руку».

Советские журналисты подымают на смех подчас невинные, по их мнению, поводы развода, среди которых они подчеркивают, главным образом, ревность. «С точки зрения научной истины и исторической законности победившего пролетариата, ревность является зоологическим чувством, недостойным нового мира»; она является ничем иным, как «отрыжкой старого мира», заявляют публицисты в моде, которые приветствуют советское законодательство, классифицирующее проступки или преступления, совершаемые на почве ревности, среди актов, воодушевленных «низким инстинктом». «Человек, который мучит свою жену ревностью, недостойн носить звание советского гражданина», заявляют советские публицисты, которые восхищаются следующим замечанием одного советского судьи, при виде, в театре, Отелло душившего Дездемону: «Пять лет одиночного заключения — вот, что я всыпал бы этому негодяю!». Дабы искоренить ревность из очага, советские журналисты находят, что общество должно отказаться совершенно от «классической» привычки подтрунивающей над обманутыми мужьями; напротив, эти несчастные должны служить предметом сочувствия и симпатии...

Для обеспечения ребенка в случае развода, законопроект усиливает санкции, которым подвержены правонарушители, доводя их до 2-летнего тюремного заключения и до 500

рублей штрафа. Предприятия, где служат эти «странствующие отцы», должны, в случае надобности, удержать из их зарплаты сумму, требуемую в качестве «алиментов». В случае, если заинтересованный будет отрицать свое отцовство, проект предусматривает формальности для установления такового⁴⁾. Параллельно с юрисдикцией, действуют путем внушения и пропаганды. Пресса доводит до сведения властей и судебных органов особенно возмутительные факты оставления детей.

Борьба против абортов. — Борьба с вырождением, главным образом с абортами, проводится путем пропаганды и административными мерами⁵⁾. По этому поводу пресса напоминает, что советское правительство, уже с 1920-года, предостерегало население против абортов. Газеты не колеблются пригвоздить эту практику к позорному столбу и требуют применения строгих мер по отношению докторов, которые занимаются незаконно абортами, против знахарок, калечащих женщин и т. д. Они требуют санкций по отношению к мужьям, которые во избежание «неприятностей», сопряженных с рождением детей, уговаривают своих жен произвести аборты. Признавая, что вопрос «весьма деликатен», пресса все же требует внесения в новый семейный статут специального параграфа об этом.

Одной из обычных тез, проводимых по этому поводу советской прессой является следующая: в СССР имеются все благоприятные

4) В сомнительных случаях, стараются популяризовать метод доктора Ландштейнера, состоящий в исследовании «групп крови»; этим делом занимается институт юридической медицины.

5) С тех пор издан соответствующий закон против абортов. **Примечание редакции.**

3) № от 7 июня 1935 года.

условия для увеличения народонаселения, тогда как в капиталистических странах этих условий не имеется. В оправдание этой тезы приводится часто новая формула Сталина — «жить стало легче, жить стало веселее». «В нашей стране, пишет «Правда»⁶⁾, женщина-мать является одной из самых почетных личностей. Нашим матерям, нашим колхозницам уготовлены самые благоприятные условия деторождения, и это в эпоху, когда капиталистическое варварство отнимает у женщины то, что ей в особенности дорого: право на деторождение».

Разумеется, здесь также, аборт приписаны буржуазии. Вот что пишет профессор А. Лурье, коммунист, директор Свердловского гинекологического института: «Буржуазия убила материнское чувство. Ее идеологи уверили матерей, что чем больше страна будет иметь жителей, тем больше жизнь станет трудной. В советских странах, каждый новорожденный ребенок является радостью не только для матери, но и для всей страны»⁷⁾ Надо ли сказать, что эти заверения расходятся с советской действительностью. Это факт, что много колхозниц и рабочих женщин не хотят особенно рожать. Сама советская пресса приводит факты, говорящие за то, что большинство предприятий и учреждений не любят иметь беременных женщин среди своих рабочих. Некоторые учреждения, до того, как принять на работу женщин, требуют от них свидетельство о «не-беременности»⁸⁾. Наконец, специальный параграф нового «статута-типа» земледельческой артели, предоставляющий полевым работницам месячный отпуск перед родами, не всегда соблюдается правлениями, так что случаи не-

редки, когда колхозницы продолжают работать до родов включительно⁹⁾.

Наконец, дабы отнять у женщин всякие предлоги к абортам, пресса открыла свои страницы для оживленного обмена мнений относительно способа обезболивания родов. «В советской стране, заявляет вышеупомянутый красный профессор А. Лурье, женщина не должна бояться родов: можно прекрасно обезболить роды». И сей коммунистический ученый, перечисляет серию панацей, до гипноза включительно...

Надо заметить, что беспокойство советских сфер относительно вопроса о рождениях, объясняется сравнительным снижением последних: на самом деле, тогда как народонаселение СССР, исчислявшееся в 1926 году 147 миллионами душ дошло до 161 миллионов в 1931 году, с тех пор и до нашей дней оно увеличилось лишь на 7-8 миллионов душ.

Роль родителей. — Другое знамение времени состоит в усилиях, прилагаемых советскими заправками привлечь родителей к воспитанию своих детей. Таким образом, тот самый режим, который денонсировал «пагубное влияние» родителей, теперь придерживается противоположного мнения. «Не надо возлагать лишь на одну школу задачу воспитания детей, заявляет Рафес, заместитель комиссара народного просвещения Узбекистана: семья является действительным фактором воспитания. Дети бывают безнадзорны не только потому, что школы функционируют плохо, но и потому, что родители не заботятся об их воспитании»¹⁰⁾. Пресса начинает денонсировать «плохих родителей», главным образом, отцов, которые не заботятся о своих детях. В то же время, посредством внушительных фотографий, она представляет в идиа-

6) № от 28 мая 1935 года.

7) «Правда», от 7 июля 1935 года.

8) «Известия», от 8 июля 1935 года.

9) «Известия», от 15 июля 1935 года.

10) «Правда Востока», от 4 апреля 1935 года.

лическом свете «семейную жизнь» тех или иных важных персон советской иерархии: ударников, комиссаров, военных в моде и т. д. Недавно Сталин впервые был сфотографирован ласкающим свою дочь, что должно служить самым убедительным предупреждением для тех родителей, которые еще колеблются сблизиться со своими детьми.

По словам советской прессы выходит теперь, что большевики всегда высказывались за то, что родители должны воспитать своих детей, равно как дети должны уважать своих родителей. «Сознательный пролетарий относится к своей семье, к своей жене, к своим детям, к своему отцу, к своей матери с самым большим уважением», читаем мы в «Правде». «Это только буржуазный бездельник, папенькин сынок, может третировать гнусно свою семью. Лишь самые заядлые балбесы или леваки могут утверждать, что семейный очаг и забота о нем суть привычки скверного вкуса»¹¹⁾. «В социалистическом обществе, продолжает «Правда», не должно иметь места, когда ребенок, сознательно, был бы лишен родительского надзора, был бы без ласк, без заботы, без любви».

Допуская даже мысль, что эти красивые слова действительно выражают большевистские концепции на семейный очаг, приходится тем не менее полагать, что в то же время они служат прелюдией к мерам, предназначенным освободить пролетарское государство от заботы надзора за детьми. По постановлению от 1-го июня 1935 года, полиция впредь облагается правом налагать штрафы до 200 рублей на родителей, дети которых совершат акты недисциплинированности или хулиганства в общественных местах. Газеты сообщают, что лишь за 20 дней апреля, в Мо-

ске, 11.315 родителей были оштрафованы за озорничество своих детей¹²⁾. В силу того же постановления, дети родители кои окажутся неспособными дисциплинировать их, могут быть отняты и переданы «детдомам» за счет родителей.

Школьная реформа. — Но есть еще другая проблема, тесно связанная с проблемой очага: школьный вопрос. Методы преподавания и, главным образом, воспитания, примененные большевиками со времени их вступления во власть, потерпели банкротство вместе с их семейной политикой. Теперь советская пресса не находит подходящих слов, чтобы поносить воспитательную роль школы. «В росте хулиганства среди детей виновата школа», утверждает «Правда Востока»¹³⁾. Многие учащиеся чувствуют себя в школе потерянными, изолированными от общественной жизни... В школе отсутствует атмосфера, создающая товарищеское чувство; учителя не знают ничего об их учениках...; рост хулиганства в школе объясняется политической нечуткостью их директоров, кои не хотят понимать, что классовый враг силится развалить школу всеми мерами... Плохое поведение детей очень часто объясняется тем обстоятельством, что школа не удовлетворяет различных нужд учащихся, не заигрывает их, не направляет их на желательный путь».

Разумеется, как во всех других неудачах, и здесь так же советская пресса слагает с себя ответственность возлагая ее на «классового врага»; нужно ли заметить, что никакой «классовый» или иной «враг» не сделал всего того, что сделал сам режим для развала советской школы.

¹²⁾ «Правда», от 21 апреля 1935 года.

¹³⁾ № от 4 июня 1935 года.

¹¹⁾ «Правда», от 26 июля 1935 года.

Как бы там ни было по декрету, обнародованному в сентябре 1935 года, правительство и большевицкая партия реорганизуют начальную, неполную среднюю и среднюю школу, устанавливают в них порядок и дисциплину, устраняют разного рода дефекты как со стороны педагогического персонала, так и учащихся, устанавливают переходные экзамены, как и старую систему баллов, и очищают школу от «трудно-воспитаемых» учеников, направляя их в специальные учреждения. Другое постановление — от декабря месяца — устраняет рестрикции, связанные с происхождением студентов для поступления в высшие школы.

Замечается известная диспропорция меж-

ду реакцией общественного мнения, сетованием прессы, чувством опасности, выражаемой ею, и практическими мерами, предпринятыми правительством для устранения зла, главным образом в вопросе о семейном очаге. Мы уже имели случай отметить это колебание партийных заправил. Но все клонит к предположению, что перед императивами жизни, большевицкие лидеры, не переставая, для формы, поносить «буржуазно-капиталистический» мир, будут вынуждены вернуться к принципам и чувствам, являющимся элементарным условием жизни цивилизованных обществ.

*
**

Из воспоминаний члена Азербайджанского парламента

Было это 16 февраля 1919 года, около 4-х часов дня. По телефону вызывает меня к себе глава Азербайджанского правительства Фатали хан Хойский. Приехав в здание правительства, застаю премьера в коридоре, у дверей кабинета министра внутренних дел Х.-б. Хасмамедова вместе с последним. Сперва Ф.-х. Хойский, а затем и Х.-б. Хасмамедов просят меня уговорить брата моего Балахано-Сабунчинского полицеймейстера, подавшего в отставку, непременно взять обратно свое прошение, так как все правительство очень довольно его полезной службой, ценят его, и потому очень просят, чтобы он продолжал служить родине. Я отвечаю им, что слышу впервые об этом прошении брата, и что он Ф.-х. Хойский, с таким же правом, как и я, может непосред-

венно обратиться к брату моему, который очень уважает его, Фатали хана, и я думаю, что он ему не откажет в его просьбе. Тогда Фатали хан просит меня на другой же день прислать брата к нему в 10 часов утра.

Вернувшись домой, вызываю из Балахана брата, по приезде которого передаю ему просьбу Фатали хана, и тут же узнаю от брата, что он действительно подал в отставку в виду невозможного положения, созданного почти ежедневными приездами членов парламента или их представителей для партийной пропаганды среди населения, что мешало ему нести служебные обязанности, а население заниматься своими делами, причем г.г. члены парламента предъявляют к нему разные претензии и требуют, чтобы полицеймейстер лично сопровождал их и присутст-

вовал на собраниях. Брат отклонял подобные неуместные требования г.г. депутатов, но губернатор, к которому депутаты обратились с жалобой на брата, стал на их сторону и сделал брату замечание, что и побудило его подать в отставку.

На другой день в 10 часов утра мой брат был у председателя правительства. Фатали хан в самых сердечных выражениях обратился к моему брату с просьбой не покидать своего поста и продолжать службу, которой очень довольны — и он, и все правительство, брат может вполне положиться на него, премьера, доверием которого он всегда пользовался и пользуется по сейчас. При этом Фатали хан просил брата не обращать внимания на выходки разных безответственных лиц, и достав из ящика стола прошение брата, разорвал его на клочки и бросил в корзину. Брат, конечно, не мог отказать Фатали хану и поехал на место службы.

Приблизительно через 2 месяца, в начале апреля, утром, приезжает ко мне помощник брата по должности, Владимир Гулякович, которого я раньше никогда не видел. Объясняя свой визит, он сообщает мне, что служит в Бал.-Саб. полицеймейстерстве около пятнадцати лет и за все это время постоянно в этом районе было не менее 20-25 случайных происшествий, не говоря о праздничных и воскресных днях, когда число их доходило до 80. «Но сегодня ровно 11 дней, продолжает он: как я подаю г-ну бакинскому губернатору пустые бланки, удостоверяющие, что в этом районе никаких происшествий не было. Этим спокойствием и порядком в районе, где одних рабочих около 60 тысяч, а всего населения более 100 тысяч, мы обязаны исключительно административным способностям и полезной службой вашего брата Лютафали-бека, — об этом обстоятель-

стве я счел нужным довести до вашего сведения и поздравить вас с таким братом». Я поблагодарил г-на Гуляковича, заметив, что брат мой только исполняет свой долг перед родиной.

Около 20-го апреля 1919 года, вследствие отставки Ф.-х. Хойского, в Азербейджане образуется третий кабинет во главе с Насиббеком-Усуббековым, а в конце мая доктор Гасанбек Агаев, председатель парламента, по секрету сообщает мне, что было собранное партии «Муссават», на котором было вынесено решение поручить премьеру, он же министр внутренних дел, уволить Бал.-Саб. полицеймейстера и назначить на его место партийного товарища.

В тот же день я вызвал брата, сообщил ему о решении партии и предложил сейчас же подать в отставку, что немедленно было исполнено братом, подавшим соответствующее прошение бакинскому губернатору. Губернатор Рашид бей Ахунд заде и его помощник Мусейб бей (в 1920 г. расстрелян большевиками в Баку) долго упрасивали сперва брата, а потом и правительство, задержав отставку после подачи прошения на целых полтора месяца.

Узнав о желании брата оставить должность, многие сельские общества по мирским приговорам обратились к правительству, указывая на заслуги брата, об оставлении его полицеймейстером в виду честной и полезной деятельности, обеспечившей в громадном рабоче-крестьянском районе небывалый порядок и спокойствие. 75-летний поэт Гаджи Мухтар из сел. Забрапег посвятил стихи брату и отправил правительству; за подписями 18-20 крупных иностранных и местных нефтяных фирм поступила просьба на имя председателя общего собрания гласных г. Баку прис. пов. Касума Касумова ходатай-

ствовать перед правительством об оставлении брата в должности, но все эти просьбы были оставлены без внимания.

В это же самое время, как-то вечером, приехал к брату житель г. Нухи, фотограф Попов, в сопровождении другого незнамого армянина, и они сообщили брату, что явились по поручению партии дашнаков, которая очень огорчена уходом со службы брата, в такое трудное время, резко отличавшегося от прочих начальников, не делавшего никакой разницы между национальностями, и если уход этот связан с денежным вопросом, то партия готова ежемесячно выдавать брату такую же сумму, как его жалование. Брат поблагодарил посетителей, заявив, что он покидает должность лишь по домашним обстоятельствам.

В середине июля 1919 года отставка была оформлена и брат уехал из Баку. На его место был назначен бывший сельский учитель, конечно, член партии «Муссават», некто Али Искендербеков, кажется из Казаха. Через два месяца стали массами поступать на него жалобы, а через шесть месяцев правительство, наконец, назначило ревизию во главе с главным инспектором министерства внутренних дел Омер Фанком, который между прочим обнаружил на квартире нового Вал.-Саб. полицеймейстера краденный серебрянный чайный сервиз на 24 персоны с инициалами прежнего хозяина. В результате ревизии Али Искендербеков был предан

суду, конечно с оставлением в должности, а суда так и не было, потому что пришли непрошенные большевики.

Этот частный эпизод, не особенно значительный, не стоил бы того, чтобы так подробно останавливаться на нем внимание читателей, после стольких лет полных трагических событий, если бы он не был яркой иллюстрацией политических нравов и методов управления, которые принесли с собою освобожденному Азербейджану его случайные хозяева — муссаватисты.

Выброшенные мутными волнами революционной демагогии на поверхность азербейджанской общественной жизни эти люди не считались ни с интересами страны, которую они третировали как свою вотчину, ни с заслугами и компетенцией правительственных чиновников, если они не принадлежали к их клике...

Все, что в Азербейджане было достойного, честного и независимого приносилось в жертву аппетитам неведомых проходимцев, с борудом с сосенки, сумевших предусмотрительно обзавестись муссаватским партийным билетом. Если дикий произвол и насилие муссаватистов не достигли размеров их московских учителей, то только потому, что быстрый ход политических событий сбросил их в помойную яму истории, из которой никакие силы их уже не вытащат.

А. А. А.

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

Глава одиннадцатая¹⁾

Чеченский старшина Майри Бийбулат; Кн. Джанболат Айтеков и Засс; Генерал Вельяминов и кн. Жанбот Атажукин; Генерал Султан Азамат Гирей.

У Ермолова просияли глаза и от полноты восторга душевного не мог слова проговорить, только приказал ему сесть на стул и спустя несколько минут начал так:

— Бийбулат, честные враги легко делают верными друзьями. Надеюсь, что мы с вами это докажем на деле. Поступок ваш делает вам большую честь и достоин всех похвал, он вполне оправдывает именем народом данное вам похвальное имя (Майра Бийбулат).

— Если в поступке моем есть чтонибудь похвальное, то я этим обязан прославленному Сардару Ермолову, врагу несправедливости, ответил Майри Бийбулат.

Читатель видит, что Майри Бийбулат поступил очень храбро и очень честно, но, к сожалению он, судя по себе, сильно ошибся. Благородный поступок его не принес ему тех плодов, которых напрасно он ожидал. Ермолов действовал не по долгу совести честного человека, а как должностное лицо по системе правительства.

На другой день, оправившись от сильного впечатления, которое произвел на него благородный чеченский старшина, он очень испугался, что рыцарский дух Майри Бийбу-

лата может сильно помешать его будущим планам в Чечне.

Вследствие сего отказавшись от данного слова он замыслил коварное дело. Притворно согласившись на все требования Майри Бийбулата он посоветовал ему самому отправиться в крепость Старый Аксай и освободить там всех чеченских арестантов, которых он найдет достойными свободы.

Бийбулат с благодарностью согласился и в тот же день поехал с большим почетным конвоем (а на самом деле под строжайшим и сильным караулом) в сказанную крепость.

Когда он там освободил всех чеченских арестантов, исключая пяти человек, и хотел ехать обратно к Ермолову для окончательного заключения условий мира, то комендант крепости объявил ему позорное приказание главнокомандующего: задержать его в крепости до особого приказа.

Бийбулат, не делая никаких возражений, согласился остаться, удовлетворившись следующими словами: — Я не проиграл. Освобождено больше людей, чем я стою.

Народ, узнав о клятвопреступлении Ермолова, оставил свои аулы на произвол Божий и собравшись в числе 6.000 чел, пошел ночью к Аксаю, ворвался в крепость и разбросав по рукам весь гарнизон, освободил сво-

¹⁾ См. «Кавказ», №№ 1/25, 2/26, 3/27, 4/28, 5/29, 8/32, 10/34, 11/35, 12/36 и 3/39.

его героя Майри Бийбулата²⁾, который с того дня 1928 года враждовал с русскими.

К концу того же года он с чеченским народом изъявил покорность правительству и по представлению Главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского прямо получивши чин майора с содержанием, усердно служил правительству.

Точно также народ исполнял все требования начальства до крайней возможности, то есть до вышесказанных Пулловокских экспедиций и управления.

Все это передано мне бывшим во время командования моего Чеченским округом письменным переводчиком полковником Касимом Курумовым и подтверждено многими из чеченцев, бывших как и полковник Касим Курумов очевидцами.

**

На Кавказе всем известный Темиргоевский князь Джанболат Айтеков принадлежал к числу тех людей, которые по пленительной своей наружности и благородным свойствам души привязывают к себе сердца других.

Все закубанские разнородные племена одинаково любили и уважали его. Матери детям своим, племена своим князьям ставили в пример его мужество и благородство, называя его любимцем народа.

В то время (1835 год) к несчастью этого князя начальником Кубанской линии был генерал-майор Засс, человек красивой на-

ружности и краснобай с необыкновенно длинными усами, но в глубине скрывалась чернорядьявольская душа.

Коварный Засс этот узнавши, что душа Джанболата не доступна низкой хитрости, ловкими мерами сумел подготовить его к изъявлению покорности русскому правительству, о чем и донес бывшему начальнику Кавказской области генералу Вельяминову. Начальник области, хорошо понимавший важность перехода Айтекова от непокорных абадзехов на русскую сторону, немедленно двинулся с сильным отрядом за Лабу, куда пригласив к себе князя Джанболата и заключил с ним следующее условие:

Князь Джанбулат поселит всех своих подвластных темиргоевцев на прежних их местах жительства, между реками Лабою и Кубанью. Будет исполнять относительно спокойствия края все приказания начальства. Нарушителей порядка будет представлять к начальнику для поступления с ним по всей справедливости законов.

Русское же начальство, не назначая над ними своих приставов, предоставляет им право жить и управляться по своим обычаям и не позволит казакам стеснять их или пользоваться принадлежащей темиргоевцам землей.

Когда условия были заключены князь собрался поехать к своим, чтобы подготовить их к переселению. Прощаясь с генералом Вельяминовым, который поздравлял его и сулил ему блестящую будущность, Джанболат обратился к нему со следующими словами:

— Генерал, я принес покорность единственно для того, чтобы избавить моих темиргоевцев от разорительной войны, лишившей их всех средств к существованию. Но откровенно вам скажу, что, несмотря на то, что я от всего сердца моего поверил тому, что вы

²⁾ В этом деле Майри Бийбулат поставил себя в глазах горцев и русских выше Главного Начальника края. Кавказские народы почитали Ермолова как умного и храброго начальника, но как человека знали его эгоистом и большим интриганом. Он не гнушался низкими мерами ссорить кавказских влиятельных лиц между собою. М. К.

поможете мне устроить их растроянное хозяйство, не знаю почему пугает меня непонятное предчувствие.

Вельяминов и Засс повторили ему свои обещания.

Таким образом тимиргоевцы, поселившиеся на своей родине, начали усердно и спокойно заниматься устройством своего хозяйства под управлением многолюбимого ими князя Джанболата, от которого Засс, спустя год после его перехода, начал требовать рабского повиновения. На это гордая душа Джанболата не могла согласиться. Только потому он сделался нестерпимым подло-коварному Зассу, начавшему по обыкновению своему искать случая отравить или тайком из под куста убить Айтекова, отвергавшего его нечестные предложения, касавшиеся других покорных и непокорных горцев.

Когда же для своих грязных целей он не нашел подобного себе злодея, он пригласил князя к себе в крепость Прочинок на чай и будучи с ним очень любезен задержал его там до 11 часов вечера.

В это время ударили тревогу — будто бы сильная партия непокорных черкесов выше крепости переправилась через Кубань.

Засс приказал свите князя, в числе пятнадцати человек, поскакать с казаками отыскивать небывалую партию, а ему на место их любезно дал казачий конвой и предложил отправиться в армянский аул (в трех верстах расстояния от крепости), где он постоянно останавливался.

Князь Айтеков принял предложение вероломного злодея с благодарностью и с одним уздемом своим с казаками, ничего не подозревая, поехал на сделанную ему засаду и на первой версте ружейным залпом был убит наповал. Чем любимец народа оставил Зассу в устах всех кавказских горцев вечное

проклятие, а правительству клеймо стыда и позора за то, что оно поощряло подобных Зассу людей и на место того, чтобы сослать его в каторжные работы, куда иногда отправляют невинных, честных людей, оставило его на своем месте.

Хотя правительство не краснело иметь Засса начальником края, но все честные русские офицеры, гнушаясь служить под его начальством, уходили из вверенной ему Кубанской линии.

Кабардинский князь Жацбот Атажукин, потеряв всякое терпение испытывать оскорбительное обращение с ним ближайшего начальства, оставил родину свою и перешел к непокорным закубанцам, где он, хорошо ознакомившись с краем, начал с сильными партиями делать набеги на Кубанскую и Лабинскую линии.

По мере его успешных нападений живо росли к нему уважение и любовь всех закубанских племен.

Между тем не менее того росли к нему гнев и злость генерала Засса, часто получавшего замечания от командовавшего войсками Кавказской области генерала Вельяминова за безнаказанные набеги его до самого города Ставрополя.

Засс, никогда не гнушавшийся самых низких мер, по своему обыкновению, начал тщательно искать случая, чтобы подстрелить из за угла, как князя Айтекова, или ядом отравить Атажукина.

Трое из закубанских ногайцев, жители аула князя Адильгирея Кайланова, давно желали избавиться от русского подданства, но будучи очень закиточными людьми, боялись со своими табунами лошадей и стадами овец подняться и незаметно без вреда успеть переправиться через кордонную линию.

Поэтому они, зная гнусное намерение Зас-

са, ловко к нему обратились с предложением исполнить его желание: тайком подстрелить князя Атажукина. Засс в прежде бывших делах и поручениях испытывши их храбрость и энергию с восторгом обещал им по 250 рублей серебром одновременно и офицерские чины с жалованьем. Хитрые ногайцы поблагодаривши его за большую к ним милость, легко убедили его, что для верного успеха и во избежание всякого подозрения как со стороны Атажукина, так равно и народа, им следует, забравши все имущество на время переселиться к непокорным ногайцам, к князю Алокаю Мансурову, где они очень легко могут сблизиться с кн. Атажукиным, предложивши ему свои услуги в качестве проводников по всей Кубанской линии.

Засс до того был обрадован мнимой готовностью этих ногайцев на злодеяние, что считал Атажукина трупом и потребовал от них не позже десяти дней совершить их переезд за Лабу.

Таким образом ногайцы эти одурачивши низкого Засса как нельзя лучше добились исполнения своего заветного желания.

(Впоследствии один из них по имени Топал Тимур разбоями своими наводил страх на казачьи станицы).

Ногайцы эти, водворившись в ауле Мансурова, отправились к кн. Атажукину и рассказали ему подробно все вышенаписанное. Топал Тимур предложил ему при этом воспользоваться случаем и употребить зассовское им поручение против самого Засса: т.-е. заманить его в засаду и отомстить за покойного кн. Джанболота Айтекова.

На это, вот что ответил благородный Атажукин:

— Топал Тимур! Я, слава Богу, мусульманин и порядочный человек, а длинноусый

генерал — гяур^{а)} и бесчестный человек. Положим, что тебе удастся заманить его и дать мне случай отомстить за покойного князя Айтекова. Но согласись, что князь от этого не воскреснет, а на место Засса приилют другого Засса, а мне же никто не сможет возвратить потерянную мою честь».

Разговор этот слово в слово дошел до Вельяминова, который поняв благородную душу, употребил против него изворотливую политику, совершенно противоположную зассовским приемам.

В одном деле на Уст-Лабе, из партии Атажукина остались на поле битвы два черкеса тяжело ранеными.

Генерал Вельяминов приказал их прислать в Ставропольский госпиталь, где они были совершенно вылечены и после того представлены ему.

Вельяминов принял их очень ласково, похвалив их храбрость и честные правила князя Атажукина и вместе с тем милостиво объявил им, что они свободны и могут ехать к себе домой.

Черкесы удивленно переглянулись, не веря своему счастью, и один из них поспешно спросил переводчика:

— «Правда ли это?».

Вельяминов, узнавши от переводчика о заданном ему вопросе, громко расхохотался и спросил их: — Почему вы сомневаетесь?

— Потому что это совершенно небывалое великодушие и милость со стороны русского начальника, — ответил черкес.

— Скажите князю Джанботу Атажукину, продолжал Вельяминов, что лучше иметь дело с храбрым и честным врагом, чем с трусливым и бесчестным, и потому я вас, как храбрых и честных черкесов, возвращаю

а) Засса вообще Закубанские племена называли длинноусым гяуром. М. К.

обратно к нему. Прощайте и не забудьте передать князю все, что вы слышали от меня.

Как Атажукин, так равно все закубанские племена были сильно изумлены мнимым великодушным красным генералом⁴⁾.

Спустя год после освобождения этих черкесов, Вельяминов с отрядом своим пошел к белореченским черкесам и после жарких дел остановился лагерем около той реки и послал к кн. Атажукину просить его приехать к нему на свидание, присовокупив:

— Я уверен, что князь уважит мою просьбу и придет ко мне с полной уверенностью, что я не менее его уважаю свою честь и что после короткого свидания нашего он благополучно возвратится к себе домой».

Князь, получивши приглашение Вельяминова, в тот же день приехал к нему с десятью всадниками в полном вооружении и представился ему.

Князь и первостепенный уздень Кульшук Анзоров были приглашены в ставку Вельяминова и после длинных его советов и справедливых жалоб Атажукина, разговор их кончился тем, что князь дал слово принести покорность и согласно желания Вельяминова

⁴⁾ Вельяминов был рыжий и потому черкесы прозвали его «красным генералом». М. К.

⁵⁾ Кн. Жанбот Атажукин буквально исполнил свое слово и поселился в Теберде, откуда, после смерти его, правительство прогнало его детей и всех жителей аула его и поселило их на Зеленуке, назначив детям всего на всего 500 десятин!... Не умирай мол с голоду. М. К.

водвориться на верховьи Кубани, на Теберде. А генерал Вельяминов дал ему слово, что земля эта в количестве десяти тысяч десятин, кроме того, что Атажукин имеет в Большой Кабарде, будет утверждена за ним планом и актом⁵⁾.

Таким образом они взаимно друг другу поправились и расставаясь Вельяминов, по черкескому обычаю пожелал получить от князя в знак памяти его кинжал. Князь принявши его слова за шутку сказал: — Я теперь весь вам принадлежу».

Когда его уверили, что генерал не шутит и действительно желает получить кинжал, то живо развязал пояс и положил кинжал на стол.

Вельяминов позвал адъютанта своего, который явился с бриллиантовым перстнем и ста червонцами, и в знак дружбы предложил их Атажукину. Князь сильно покрасневши, принял перстень и тут же подарил его Анзорову, а от червонцев отказался.

Эпизод этот я давно слышал, но в 1842 г. я был на Кубанской линии у кн. Мамат Гирея Лоова и по приглашению кн. Жанбота Атажукина поехали к нему в Теберду, где прогостили трое суток и все написанное есть рассказ старика Кульшуга Анзорова в присутствии Атажукина, к которому нельзя было не питать глубокого уважения.

Муса Кундухов.

(Окончание следует)

Национальная маска снята!

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Наконец то в августе 1936 года группа из партии «Мусават», состоящая из 7 человек, собравшись под председательством г. Расул-Заде, открыла якобы «партийную конференцию», где вынесла ряд резолюций и выпустила новую программу, бюллетень и воззвание.

Останавливаться на этой конференции было бы напрасной потерей времени, ибо ни общенационального, ни даже партийного значения она не имела, а преследовала маленькие групповые интересы очень ограниченного круга лиц. Одно лишь можно сказать, что у всех незнакомых с историей самостоятельного Азербейджана при чтении выпущенного «конференцией» бюллетеня может получиться впечатление, что, как в создании самостоятельного Азербейджана, так и в его 2-году жизни, самую главную роль сыграл председатель этой группы и его ближайшее окружение. Насколько все это самохвальство и самореклама противоречат действительности могут судить те, кто хоть поверхностно знаком с азербейджанскими событиями 1917-1920 г.г. Не стану на эту тему распространяться. Видимо вся эта игра была прежде всего рассчитана на внешний эффект, и имела определенные не столько политические, сколько спекулятивные цели, а во вторых, нужно же было хоть немного удовлетворить болезненное тщеславие председателя этого собрания и сделать попытку хоть несколько поднять пошатнувшееся положение его среди нашей эмиграции.

Наиболее интересным в «работах» этой

«конференции» является бесспорно изменение партийной программы «соответственно требованиям политического момента» — как это явствует из речей, произнесенных на заседаниях конференции.

Как видно, почтенные конгрессисты, взвесив по своему общеевропейскую политическую ситуацию, пришли к заключению, что политическая стрелка снова склоняется влево к марксизму, и чтобы не отстать от общей линии «народных фронтов» решили, что их группе следует повернуть курс еще более решительно налево. Некоторые параграфы новой программы, как, например, 8, 7, 11, а, d, f, B, e — наглядное тому доказательство... Не станем тратить времени на оспаривание политического нюха варшавских конгрессистов. Для тех, кто имеет глаза, чтобы видеть в каком направлении происходит политическая эволюция Европы — хронический насморк этой группы очевиден.

Несчастье Азербейджана заключается в том, что некоторые политически-безграмотные люди, несущие тяжкую ответственность за несчастья нашей страны, все еще претендуют на возглавление будущей государственной независимости...

Но не курьезно ли, что в той же программе все время говорится, что сия партия строго национальная и признающая право частной собственности?

Подобное утверждение похоже на то, если бы ктонибудь заявил, что он истинный мусульманин, но только не признает Магомета пророком и Корана священной книгой. «Бы-

ло бы смешно, если бы не было так печально!». Неужели почтенные участники этой «конференции» до сих пор не могут усвоить разницу между национальной и интернациональной программой? Ведь самой главной основой всякого разумного правительства, преследующего национальные цели, является признание права частной собственности.

Советское правительство присвоило всю частную собственность населения, и в силу этого создались: колхозы, совхозы, торгпредства и прочие подобные учреждения, которые являются исключительно результатом непризнания священных основ частной собственности. Кроме того все неслыханные зверства и жестокости большевиков, в конце концов, также происходят от того же отрицания этого права, чем советское правительство и отличается от всего культурного мира, в корне разрушив его главную признанную основу.

У самых культурных народов Европы сохранилась частная земельная собственность, несмотря на большую плотность населения. В Англии на кв. милю приходится 138 чел., в Германии — 136, тогда как в Европейской России не более 30, а в Азербейджане не более 18 чел. При таких, приблизительно, цифровых данных, кроме России нигде не национализирована частная земельная собственность, даже при наличии крупных землевладений.

Земельный вопрос в его катастрофической постановке возник только лишь в этой несчастной России. Он был выдвинут еще в 60-70-ых годах прошлого столетия и был модным лозунгом социал-революционеров, как орудие борьбы против правительства. Этим орудием хотели они поднять русское крестьянство и вызвать революцию в России.

Таким образом можно сказать, что зе-

мельный вопрос — это явление и изобретение преимущественно русское. Удивительно только то, что г. Расул-Заде, отвергающий все русское, вплоть до самовара, как русского изобретения, вдруг принял основную базу и тактику русских социалистов, да еще перецеголяв их своей программой, разросшейся до концепции русских большевиков.

Между прочим, не мешает указать на то, что общее несчастье народов, входивших в состав бывшей Российской Империи и воспринявших в духе русского радикализма и социализма, заключается в том, что некоторые еще и теперь стараются подражать этой гнилой доктрине. Все эти «модные» в свое время лозунги, уже давно потеряли свой тактический смысл, доведя Россию до ее сегодняшнего положения.

А что касается земельного вопроса в Азербейджане, то надо указать на следующее: во всем Азербейджане, приблизительно, менее 700.000 крестьян, занимающихся сельским хозяйством, а пахотной земли хватило бы на несколько миллионов крестьян, если принять во внимание наши обширные плодородные поля, еще не распаханые до сего времени за отсутствием воды. Поля эти следующие: Адманаур, Ширак, Мугань, Джейран-Дузи и др. Все перечисленные местности составляют громадную площадь для всяких злаков, следовательно, говорить о земельном голоде и о создании каких то земельных фондов не приходится. Даже смешно. Задача будущего азербейджанского правительства состоит только в том, чтобы оросить вышеназванные поля путем создания гидравлических сооружений и приспособить их к культуре проведением железных дорог и других путей сообщения. Члены конференции за исключением одного, как жители гор, Баку, при том не имеющие никакого ценза, кроме

революционного, конечно, не могут понять сущности земельного вопроса вообще, а в частности в Азербейджане.

Нужно отдать должное участникам конференции — они проявили большую щедрость в раздаче фабрик, заводов, домов, лесов, всех недр земных и пахотных земель, при этом без всякого ущерба и риска для собственного своего интереса. Щедрость вещь привлекательная, если она не подрывает основу государства и не бьет по интересам народа. Как видно по всему, участники конференции, предвидя близкое падение большевиков, хотели бы сами удариться в демагогию, обещая создать на развалинах нынешнего советского Азербейджана новое рабоче-крестьянское правительство на тех же началах, заменив только действующих лиц. Это уже было, и ни к чему не привело, а лишь породило во всем народе нищету, недовольство и возмущение.

Спрашивается, для чего же азербейджанскому народу нужно было в течении 17 лет вести незатихавшую кровавую борьбу с большевиками, когда ему в конце концов после победы преподносят те же коммунистические дары? Спрашивается также, для чего г. Расул-Заде со всем своим окружением в течении 16 лет, сидя в эмиграции, кричали о борьбе с большевиками? Как квалифицировать подобный образ действия?

Во всех государствах существуют разные классы населения, как то: помещики, фабриканты, рабочие, крестьяне. Все они равны перед законом, как сыны одной и той же

страны, и составляют единое целое, на которое опирается государство, и все эти классы взаимно дополняют друг друга и являются необходимыми элементами государственного организма, так что болезнь одного члена вызывает общую органическую боль. Нельзя создавать в государстве классовую рознь и вражду, что всегда приводит к ослаблению государственного целого. В программе, выпущенной г. Расул-Заде, говорится, что они не признают классовую рознь, а между тем отрицание права собственности уже является началом классовой борьбы.

Но самое интересное и комичное то, что почтенные члены конференции выпустили позвание ко всем национально-мыслящим азербейджанцам, призывая их сплотиться вокруг их группы!

Конечно, каждая партия или даже группа, состоящая из 7 членов, может в своих собственных интересах, выпустить программу. Это их внутреннее дело, и никого это не обязывает. Но недопустимо, чтобы группа, принявшая максималистскую программу, позволила себе призывать всех национально-мыслящих к объединению вокруг себя. Какую вещь нужно называть своим именем, а не заниматься фальсификацией. Вот, главным образом, против чего приходится протестовать. Хорошо, что национальная маска, прикрывавшая их в течении 17 лет, в конце концов снята!

Азербейджанец.

Истанбул, 18 февраля 1937 г.

С гор Ирана

Ванитесь вечер. Уже по дороге потянулись вереницы рабочих, возвращающихся в свои лагеря. И вот по ущелью гулко разнесится грохот динамитных взрывов, падающих каменных глыб и осыпающегося щебня.

Рабочий день кончен. Отдаю последние распоряжения и тоже направляюсь в свою палатку, где я живу лето и зиму.

Мы работаем на новой дороге, соединяющей Тегеран с Каспийским морем. Все окружающее видом своим, характером, красотой и мощностью напоминает Дагестан, а дорога очень похожа на Военно-Грузинскую.

Невольно вспоминаются слова Лермонтова: «Он настроит дымных келий по уступам гор, в глубине твоих ущелий загремит топор. И железная лопата в каменную грудь, добывая медь и золото, врежет страшный путь...». И еще удачное или неудачное добавление, в котором было много правды: «И динамитом разрывая скалы мощные твои, штыками белыми сверкая, проведет полки свои...». Это добавление было сделано одним молодым горцем, учеником старшего класса Т. Х. Шуринского реального училища в конце прошлого столетия.

И полки действительно проходили во время различных войн, — думаю, что если бы позволили обстановка и политическая конъюнктура, то и красные маршалы не прочь бы пройти по тому же пути и с той же целью.

Прошло около ста лет с тех пор, как было написано это прекрасное стихотворение, а Тегеран продолжал все еще дремать, и чужие люди распоряжались судьбой иранцев: с севера русские, а с юга англичане устанавливали режим канитуляций. В Тегеране воин-

ской силой командуют русские, а полицией (жандармерией) англо-русские ставленники — шведы.

Номинально в стране существует монарх и его правительство, но власть в руках пришельцев.

Наступает великая война. Правительство Ирана объявляет нейтралитет. Нарушение бельгийского нейтралитета немцами вызывает в общественном мнении Европы и Америки возмущение и последующее выступление Англии на защиту слабого бельгийского народа.

В Иране хозяйничают все, кому не лень, но нарушение его нейтралитета теми же общественными кругами встречается с полным равнодушием.

Однако февральская революция в России знаменуется уходом русских войск из Персии, а октябрьская — приходом тех же войск под красным знаменем, вопреки торжественно признанному Лениным праву самоопределения народов.

Гитлеровский клич: «проснись Германия» не нов. Впервые он раздался на берегах Каспийского моря и прокатился по горам и долам Ирана из уст Риза Шаха Пахлеви. «Он» встряхнул дремавшую страну, и красная армия принуждена была уйти.

Прошло более 10 лет. Старую, тихую Персию не узнать: где раньше по плохим дорогам, а то и по тропам медленно, под унылым звон колокольчиков, двигались караваны верблюдов и ослов, теперь несутся автомобили и проходят камионы по чудным шоссейным дорогам вдоль и поперек страны. Города неузнаваемы: всюду хорошие улицы, электрическое освещение, новые постройки, поте-

равние всякий восточный колорит. На улицах ни одной чадры и только изредка видна чалма приходского ахунда.

Железная дорога от Каспийского моря уже доходит до Тегерана, а на юге включение произойдет в будущем году.

«Это своего рода сухопутный Суэцкий канал, которому суждено сыграть в будущем крупную роль в мировой торговле», говорил недавно один старый политический деятель, «особенно когда в России водные системы будут приведены в порядок и достроены. Генний человека заключается в том, чтобы видеть сегодня то, что обыкновенные смертные увидят только завтра», закончил мой собеседник.

Очевидно у гениального хозяина этой страны явилась как раз эта мысль, когда он решил постройку Трансиранской железной дороги, ибо внутренний грузооборот едва ли оправдал бы такие огромные затраты.

Образована национальная армия, правда маленькая, но хорошо сплоченная и прекрасно экипированная.

С большой настойчивостью, не раз рискуя жизнью, «Он» сплотил воедино раздробленный Иран, уничтожив сатрапничество и феодалов, и создал сильную центральную власть, после упорной и многолетней борьбы с вековыми установлениями, когда ханы считались с центром «постолько-посколько».

После бесплодных стараний снять со страны режим капитуляций по взаимному соглашению заинтересованных сторон, Е. В. Риза Шах разрубил Гордиев узел, снявши это ярмо с народа односторонним актом, т. е. своим декретом. Он снял чадры безболезненно, ввел вечерние курсы для безграмотных, спорт в самых широких размерах. Рассказать все, что волей одного человека до сих пор сделано и делается в стране — трудно. Толь-

ко очевидцы, прожившие эту эпоху реформ в стране, могут оценить этот Сизифов труд.

Но вот я и в своей палатке. На столыке приготовлен чай и иногда лежит кипа полученных с оказией писем, газет и журналов. Да простят мне мои редкие корреспонденты, но когда я в этой кипе вижу «Кавказ», я берусь прежде всего за него (и всегда с волнением).

Начинаю читать: «орган независимой национальной мысли», слова в которых есть реальное содержание и кончаю: «Жеран: Бисноваты». Неизвестный мне, но милый, как хочется в долгие зимние вечера видеть твою подпись не на 40-ой странице, а на 140-ой.

Вспоминаются торжественные проводы Горской делегации, отправлявшейся в Париж, на мирную конференцию; единодушные пожелания «до скорого свидания» и как эти иллюзии быстро расплылись, когда пришлось ознакомиться ближе с обстановкой, в которой протекала конференция, и с политикой тогдашних вершителей мировых судеб.

Я вообще политикой не занимаюсь, но газеты, правда, читаю. И из этого поверхностного обзора вижу (и думаю, что не ошибаюсь), что назревают какие то события большой важности, когда давно забытое пожелание «до скорого свидания» может и оправдаться.

Все сейчас убедились, что коммунизм не есть только местное российское явление, и что эта зараза рано или поздно может перебраться и в другие страны, к другим народам. Политическая партия, имеющая в распоряжении 170-миллионный народ, обращенный в рабство, и неисчерпаемые богатства бывшей Российской империи, опасна для мира, которому она объявила войну и ослабно ведет ее вот уже почти 20 лет.

Все также прекрасно знают цену обеща-

ям и заверениям, исходящим из столицы Советского Союза.

Меня всегда удивляло, что за эти почти 20 лет не нашлось страны и народа, который ответил бы подобающим образом на этот вызов. И вдруг Германия первая поднимает брошенную всему миру перчатку и к ней открыто присоединяются Япония и Италия. Наверно кошмарный пример Испании заставит и многие другие страны изменить политику.

Германо-японское соглашение, а сейчас и 1,5-миллиардная ассигновка на вооружения в Англии не могут не взволновать Коминтерн.

И подумать только, в чьих руках окажется это вооружение? В руках народа, который накануне коронации своего монарха, несмотря на почти 20-летнюю интенсивную пропаганду Коминтерна, занят вопросами о том, кому растилать ковер, по которому пройдет король, кому подать перчатку, кому достанется белье, в котором он будет короноваться и пр., вместо того, чтобы обсуждать, сколько полков надо стянуть к столице ко дню коронации, чтобы предотвратить возможную демонстрацию местных левых элементов, если бы последними были получены соответствующие инструкции.

Я думаю, что Коминтерну пора бы сократить свой бюджет в части, касающейся германо-японо-итальянского блока и Великобритании с ее доминионами.

И всем тем, кто и сегодня еще верит Москве и Ленинграду, есть над чем задуматься. А кавказцы, на своем горьком опыте оценили все исходящие «оттуда» уверения в любви и клятвы в вечной дружбе. И горцы име-

ли эти объяснения в любви за подписью комиссаров, и грузины имели официальные договоры.

Почему молчат все эти марксистские вожди из 2-го Интернационала, многие из которых имели возможность, побывав в Грузии, воочию убедиться в искренности советских заправил. Видно политическая честность и гражданское мужество не обязательны для марксистов, иначе они давно должны были с трибун своих парламентов громко заявить, что Гитлер прав, когда не верит ни уверениям Москвы, ни договорам с ней. Но они слишком дорожат своим социалистическим реноме и, конечно, на такой шаг не пойдут.

С большим восторгом прочел в одном из номеров «Кавказа» о возвращении в лоно кавказской семьи некоторых блудных сынов. Мне кажется, что можно спокойно верить в их искренность. Во первых потому, что уж очень хочется верить, а во вторых — ведь не могут же они забыть недавнее печальное прошлое, свидетелями и отчасти авторами которого они сами были.

Сейчас все кавказцы должны особенно крепко держаться друг за друга. Назревающие мировые события, свидетелями которых мы вероятно скоро будем, должны будут иметь прямое или косвенное отношение к вопросу о независимости нашего объединенного Кавказа. Не могут же пройти бесследно все эти лихорадочные вооружения великих и малых держав, сколько бы их правительства не уверяли, что все это делается исключительно из мирных побуждений.

И. Аргейд.

Обзор печати

БЕСПОКОЙСТВО БОЛЬШЕВИКОВ

«Известия» (номер от 12 апреля), устами подставного лица, профессора Старобинского, спрашивают: «Куда идет Турция?».

«За последнее время, заявляет большевицкий листок, все учащаются сообщения о том, что Турция как бы нащупывает новые пути своей внешней политики, причем отклоняющиеся от того, что не только в нашем представлении совместно с политической борьбой за мир. Происходят какие то таинственные поездки в Турцию фашистских политиков, германских промышленников и дельцов, о чем то там переговариваются или договариваются. Враждебная Советскому Союзу печать с удовлетворением перепечатывает кое какие заявления турецких газет, которые на руку только фашистским агпрессорам. Некоторые, хотя и мелкие факты, создают впечатление о желании Турции акцентировать свои симпатии к фашистским странам, в особенности к Германии. В частности, некоторые турецкие газеты даже находят слова одобрения и поощрения захватнической политике германского фашизма».

Все это «вызывает недоумение» «Известий», которые «хотели бы, чтобы все это было случайным эпизодом, а не чем то другим».

ПРЕЕМНИКИ ПОЛКОВНИКА ЛОУРЕНСА

Всем памятно имя этого таинственного английского офицера, чей престиж был в свое время так велик среди арабов, что его даже называли «некорованным властителем Аравии». Полковник Лоуренс действительно имел в виду объединение всех арабских племен в одно большое «независимое» государство, ко-

торое на самом деле, конечно, находилось бы в фактической зависимости от Лондона. Британское правительство ценило в нем деятельного и самоотверженного представителя своей государственной тайной разведки, так называемого «Интеллижанс Сервиз» Парижская газета «Жур» приводит сведения о пяти приемниках легендарного Лоуренса, который, как известно, погиб в Англии из-за какого-то нелепого происшествия с мотоциклеткой. Англия по прежнему имеет на Востоке деятельных агентов своего имперского проникновения, среди которых особенно замечательны следующие пять человек.

Мужчина с большим подбородком. Бедуины так называют людей, умеющих убедительно говорить. Майор Глаб знает несколько арабских диалектов, он в тесной дружбе с различными вождями и пользуется среди них значительным авторитетом. Есть племена, где он является верховным судьей. Его влиянию приписывают тот факт, что десятки тысяч бедуинов до сих пор не ринулись в Палестину в связи с тамошними кровавыми беспорядками. Точное место пребывания его никогда неизвестно.

Житель Мекки. Под этим именем знают арабы английского офицера Джона Фильби, который прибыл еще в начале войны в составе индусского полка, принял магометанство и навсегда остался в Мекке. Самые дружеские отношения связывают его с Иби-Саудом, которому он оказывал много услуг, содействуя также его сношениям с англичанами. Владеет всеми арабскими диалектами и будто бы лучше понимает и знает свое дело, чем знал сам Лоуренс.

Пик-пик. Человек очень таинственный, постоянно меняющий местопребывание. Один из самых осведомленных людей по всем вопросам, касающимся Палестины и Заиордания. Он командует арабским легионом, но найти его, встретиться с ним чрезвычайно трудно, и даже кочевники в виду его постоянных передвижений, говорят о нем, что это человек, владеющий «ковром-самолетом».

Одинокий Бертрам. Один, почти ни с кем не говоря при встречах, он объездил и обошел все огромные пустыни, все закоулки Месопотамии. Пятнадцать лет тому назад молодой Бертрам Томас был незначительным унтер-офицером в одном из местных гарнизонов, сейчас он известен всему арабскому миру. Одно время Фильби приблизил его к себе и сделал своим адъютантом, но теперь Бертрам вновь обратился в одинокого, безмолвного исследователя. «Это единственный белый, кому ведомы тайны пустыни», говорят о нем арабы.

Цербер Востока. Так называют другого британского офицера, уже не столь молодого, от внимания которого не ускользнет ни один путешественник. Эдмондс — это ключ Азии. До войны он был консулом, потом участвовал в кровавых боях на берегах Евфрата, был советником молодого властителя Ирака, — от него целиком зависит — пропустить или не пропустить европейца в центр Азии, — он в курсе всех передвижений. Без той таинственности, которая окружает четырех остальных, он играет, пожалуй, самую важную роль с точки зрения задач британского империализма. Сухой, настойчивый, неутомимый — это характерный тип англичанина. Говорит на одиннадцати языках.

Таковы преемники знаменитого Лоуренса, поделившие «сферы влияния» его наследства.

ЗАЯВЛЕНИЕ ШУКРИ КАЙА

В своем заявлении на заседании от 7-го апреля великого национального собрания, Шукри Кайа, министр внутренних дел Турции, совершивший недавно поездку на приграничную с Сирией полосу, пожаловавшись на участвовавшие бандитские налеты на турецкую территорию в местностях населенных курдами и на неговорчивость «мандатных властей» в вопросе о принятии мер пресечения, сообщил, что Турция была вынуждена усилить свои войска на границе до одной дивизии. Заявив, что на территории санджака Александретты «производится натравливание армян на турок», министр добавил:

«Мы считаем, что такое положение является искусственным, и в наших глазах искренность, с которой армянский народ стал на нашу сторону, нисколько не потеряла своей ценности».

«ПЕРЕСТРОЙСТВО» АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В «Правде» от 22 апреля напечатана статья В. Кирпотина, который — если не ошибаемся — является секретарем союза советских писателей. В этой статье, переданной по телеграфу из Еревани, Кирпотин пишет, между прочим:

«Троцкистские вредители, агенты фашизма и дашнаков, пытались превратить союз писателей в арену своей преступной деятельности. При поддержке предателя Ханджияна они *выдвинули лозунг консолидации национальных признаков армянской литературы* (курсив везде наш. Ред.). Как показал Бакунц на следствии, лозунг этот родился из

ненависти к большевицкому пути развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Бакунци, Симонян и др. выдвинули свой лозунг с целью наполнить национальную форму литературы контр-революционным националистическим содержанием. Ханджиян и его сообщники вели провокационную политику в области литературного наследия, они запрещали армянских классиков, объявляли их творчество *насквозь националистическим*, отрицали наличие демократической струи в армянской литературе. В то же время они под шумок распространяли слухи, что сами они другого мнения, что делают они это под давлением Москвы.

Далее повествует Кирпотин, «в области языка националисты ориентировали армянскую литературу не на связь с новым народным творчеством (читай: «с русским», «московским»), а на древний язык церковных книг — «грапар». Алазян, Норенц — сами ничтожные писатели — пытались ориентировать армянскую поэзию на творчество некоторых поэтов из среды западных армян, националистов, формалистов, упадочников. Симонян вредительно стремился порвать связи армянских писателей с русской советской литературой. Он всеми средствами препятствовал осуществлению важного политического и культурного начинания — издания вполне подготовленной антологии армянской поэзии на русском языке».

Благодарение Карлу Марксу, что «разоблачение троцкистско-дашнакского вредительства, развертывание самокритики очистило литературную жизнь Армении».

После этого выступления, Кирпотин говорит о приезде в советскую Армению и «вхождении в семью советских писателей» Исаакяна, об «обещании» Армена «написать ро-

ман на современную колхозную тематику». Далее:

«Ряд писателей — Наври Зарьян, Степан Зорян, Герам Серьян, Азат Вштуни, Д. Демирчяи и другие вполтную повернулись лицом к современной тематике», которая, прибавим со слов того же Кирпотяна, состоит из «соцстроительства, Ленина и Сталина».

За такое «поумнение» — награда: «приняты важные решения о юбилеях Сундукяна, Прошяна, Налбандяна». Ереванский драматический театр назван именем Сундукяна.

«Творчество армянского поэта Цатуряна, которое ранее замалчивалось, потому что в нем звучат революционные ноты, сейчас широко освещено армянской печатью».

Словом — вновь идеалля, которую портит лишь упрямство «одного лишь Чаренца, который никак не хочет «выступать с критикой своих националистических ошибок».

И русский цензор армянских писателей многозначительно добавляет:

«Советская общественность Армении проявила много терпения и великодушия к Чаренцу. Теперь только от него зависит выход на правильный путь».

Далее, касаясь некоторых недостатков, Кирпотин пишет:

«В руководстве союза (армянских писателей) нет коллективности, не ведется работа по увеличению культурного багажа писателей. Многие молодые писатели не изучают даже русского языка».

Это «даже» звучит весьма симптоматично: оно показывает насколько, под шумок «интернационализма», русские элементы союза привыкли смотреть на «националов» как на свою собственность. В царское время громадное большинство «туземных» писателей и поэтов не знало русского языка, без

того, чтобы это обстоятельство мешало их «культурному багажу» или же особенно заволновало русских повинистов. Но вот, оказывается, в «независимой» Армении, армянский писатель, дабы завоевать себе этот титул, должен обязательно изучить русский язык...

Ханджяна, когда его «самоубили», обвиняли в поощрении националистической тенденции в литературе, а теперь, оказывается, он не давал пропуску национальной литературе! Одним словом, как ни вести, никак не угодишь советским вельможам.

ХРОНИКА

НОВАЯ РУКОПИСЬ ОБ ИМАМЕ ШАМИЛЕ

В Чечено-Ингушетии обнаружена рукопись на арабском языке, под следующим заглавием: «Блеск горных сабель», воспевающая газаваты имама Шамиля. Автор рукописи, Магомед Шаир из Караха, был одним из сподвижников имама. Рукопись дает описание кавказской войны с 1832 по 1859 г., пребывание имама в плену русских и его кончину в 1870 году.

Рукопись приобретена капкайским городским историко-лингвистическим институтом и издается в русском переводе.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ПРОДАЖИ «КАВКАЗ АЛЬМАНАГИ»

Во всех турецких газетах 9-го текущего мая было напечатано следующее сообщение Анатолийского Телеграфного Агентства:

«Продажа книги, называющейся «Кавказ Альманаги», и выпущенной в целях омрачения дружеских отношений, существующих между Турецкой Республикой и СССР, запрещена постановлением Совета Министров на основании ст. 51 закона о печати».

УКРАИНСКИЙ ДОКЛАД В РИМЕ

Газета «Лаворо Фашиста» дает отзыв о состоявшемся в Риме интересном политическом докладе по украинскому вопросу, прочитанном известным общественным деятелем Украины князем Токари Токаржевский-Карашевичем (чья статья «О севере и юге» была напечатана в февральском номере «Кавказа»). Газета говорит, что этот блестящий доклад имел большой успех и закончился шумной манифестацией в честь Италии, основателя фашизма «дуче» и независимой Украины. Лектор, который играл значительную политическую роль на востоке в краткую эпоху свободного существования Украины, ярко обрисовал героическую борьбу украинского народа против военного московского нашествия, выдвинув, как говорит газета, «отдельные эпизоды этой эпической борьбы». Он подробно остановился и на нынешней сопротивляемости Украины, где дух независимости жив попрежнему, где весь бытовой уклад совершенно противоположен коммунизму, и где московский большевизм может господствовать лишь насильно до первого благоприятного для украинцев случая.

Библиография

Шамиль в европейском представлении

Настоящий борец за кавказскую независимость и знаменитый герой национального Кавказа Имам Мохамед Шамиль не безызвестен в европейской литературе. Не говоря о других произведениях, драматург *Поль Мерис* посвятил ему драму в 6-ти актах, которая была поставлена в Париже в театре «Сен-Мартэн» (изд. Мишель Лэви, 1854 г., Париж). Действие ее разыгрывается сначала в Тифлисе, а затем в неприступных горах Северного Кавказа. Шамиль именуется там «Орлом», «Львом», «Бесстрашным», «Отцом народа своего» и т. д.

Руководящей идеей этого произведения является мысль об единении Востока и Запада, о торжестве справедливости и свободы народов, способных ее сохранить. Итальянская литература также отдала ему дань почтения в самый разгар его борьбы с неприятельским нашествием с Севера (1855-1857 г.г.). Французский писатель Пьетро Цакконе, итальянец по происхождению, посвятил ему исторический роман, поистине превосходный, ставший библиографической редкостью. Название его «Шамиль, Освободитель Кавказа», появился в Милане, в изд. Бониотти, в 1857 году¹⁾. Автор вкратце рисует духовное и социальное положение горного Кавказа между 1831 и 1854 годами. Он отмечает мимоходом дикую красоту кавказско-

го хребта, который ласково приветствует всякого друга и полон страшной угрозы по отношению к каждому врагу. Военная доблесть горцев Кавказа громадна по оценке Пьетро Цакконе, а красота женщин сказочна. Одне только грузинки могут с ними соперничать и немудрено поэтому, что путешественники задерживаются в этой стране, очарованные к тому же вечно приветливой природой этого края.

Далее следует вереница портретов русских генералов — завоевателей Кавказа, Грекова, Ермолова, Чернышева, Граббе, Головина, Клуге и Воронцова, в изображении которых автор проявил глубокое знание и понимание человеческой души.

Целый ряд страниц посвящены Шамилю, патриоту, вождем угнетенных народов и человеку в частной жизни. Фигура его в представлении автора симпатична до пределов возможности, влияние его абсолютное, положительное и облагораживающее. Далее мы видим Шамиля в роли законодателя. Великий организатор, человек совершенно невооруженной энергии, упорства и львиного мужества, он приступил к реформированию своей страны на совершенно новых базах. Вся страна была разделена на 20 округов, губернаторы которых были подчинены его личному контролю. Имел девизом своим: «Все для борьбы», он потребовал от народа платежа налогов без единого слова обсуждения или колебания.

В основу своей политики он положил принцип экономии во всех поприщах, как в общественной, так и в частной жизни.

¹⁾ Итальянская версия, автор. Г. Цаффарони. Пьетро Цакконе хорошо известен во французской литературе. Родился в 1817 году, он скончался в Париже в 1895 году. Президент «Общества Литераторов», 1880-1884, он является автором многочисленных романов, как «Старый Париж» и проч.

По своду его законов, наиболее заслуживающие поощрения получали всякие ордена и награждения. Судьям предписывалась абсолютная беспристрастность. За государственную измену и за рецидив допускалась смертная казнь.

Он был наделен от природы совершенно исключительным даром отмечать врагов и друзей, читать в душах, видя фальш и откровенность людей. Упорный, ловкий и быстрый, правдивый и справедливый, он вел борьбу открытую и народ говорил о нем: «*В глазах у него свет, а на губах мед!*».

Говоря как диктатор, он имел дар волю свою делать обязательной для толпы.

Родившись в 1797 году в Дагестане, он был ранен в первых же боях в 1831 году. В 1834 году он был провозглашен Имамом, верховным главой всех мусульманских народов Кавказа и продолжал свою борьбу с русскими с совершенно азиатским упорством. Проиграв решающую битву при Ведено, будучи побежден подавляющей численностью русских войск (300.000 против 20.000) снабженных тяжелой артиллерией новейшего образца, он был взят в плен в 1859 году при Гунибе, в Дагестане, генералом Барятинским.

Александр II разрешил ему поселиться в Калуге, а затем — отправиться в Мекку, где он и скончался 74-ых лет от роду в 1871 г.

Но имя его, окруженное легендами и воспоминаниями, поистине вечными, неизгладимо из народной памяти и сияет подобно солнечному лучу, над самыми отдаленными вершинами Кавказа.

Апогея славы он достиг в 1842 году, славы вождя народа, абсолютного вершителя судеб его, нанеся поражение русскому генералу, Грaббе, при Дарго, большом поселении затерянном в зелени и величавых горных высотах. С этим моментом совпадает слава

его как полу-Бога в глазах кавказцев.

Автор приурочивает к этому моменту посещение Шамиля в Дарго двумя молодыми европейцами, французом Октавио и англичанином Джоном Бентиком.

Гонимые сплином, эти двое светских юношей, поборовши тысячи трудностей и препятствий, очутились лицом к лицу с восточным борцом за свободу.

Прием был им оказан радушный, приветливый, рыцарский. Француз в особенности почувствовал себя совсем осчастливленным.

Затем автор говорит об оружии горцев, спокон веку знаменитым, являющимся достоянием этой расы, «настоящей славой этого края».

Произведение это было написано за два года до катастрофы Ведено в 1859 году и все уважение и восторг автора-итальянца идут в сторону «*кавказского орла*», который сумел в течении целых 30 лет противостоять наитруднейшим обстоятельствам и событиям.

Таков был Шамиль, по мнению итальянца, в роли *вождя, Имама, освободителя*, героя целой серии народов, этот живой символ и человеческого упорства, и настойчивости.

Укажем некоторые произведения, ему посвященные :

- a) Ch. Reboul : « *Guerres du Caucase* ». « *Revue des 2 Mondes* », 1853.
- b) R. Taillandier : « *Shâmyl* ». « *Revue des 2 Mondes* », 1853.
- c) G. Depping : « *Shâmyl* ». Paris, Librairie Nouvelle, 1854.
- d) H. Gilles : « *Lettres sur le Caucase* ». Paris, éd. Gige, 1859.
- e) E. Müller : « *Imam Châmyl* ». Paris, éd. Lefèvre, 1878.
- f) Ch. Bérizé : « *Châmyl et les Lettres Françaises* ». Paris, éd. « *Le Caucase* », 1934.

Ш. Беридзе.